

творно держался особняком, не принимая участия
 почти ни в одном журнале и, собственно говоря,
 писал только для себя и для своего ближайшего кру-
 га, до Шмелера были в то же время в непрерывном
 сотрудничестве с публикой. С 1787 г. он непрерывно
 издавал альманахи и календари, а для других жур-
 налов доделывал суждения, статьи или рецензии.
 Менер, на 1795 год отчасти хотел основать новый еже-
 дневный журнал, „Die Flote“. Он приобрел несколько
 книг знаменитых, близких к Тёре, соиздатчиков
 и задался от них и от своего имени пригласил
 к участию Тёре. На это получил благоприятное,
 хотя сдержанное обещание. Но вскоре после этого
 новое пребывание Тёре в Женеве повело к плодотвор-
 ной беседе. Это было в мае 1794 г., Тёре и Шмелер
 вместе вышли из Женевского общества естествен-
 наук; увлекшись разговором, Тёре проводил Шмел-
 ера к дому и вошел в его квартиру; с этого дня
 началась их дружба: оказалось, что они сродни друг
 к другу ближе, чем думали; Тёре высказал в пись-
 ме надежду на дальнейший обмен мыслей, а Шмел-
 ер охотно характеризировал Тёре, которая могла
 показать посредством, что ни одному немцу не вышло
 с каким пониманием в его существо и даже само
 не признавал его значения, как Шмелер. С этой
 минуты союз был заключен, а переписка, кото-
 рую они вели, составляла памятник этого союза:
 оживленная мысль о всем эстетическом и на-
 учном работала обоим писателям, взаимная кра-
 зивая, искренняя связь, с удовольствием, но без леги-

высказанная похвала, разнообразная суждений о со-
звудности, прозвучившая и других современниках,
подробная разъяснений принципиального и земного,
скаго свойства, особенно о различии между Эпосом и
драмой. Мурсалль, ^{Миллера} де Ноген, для которого Тезе давал
уже раньше написанный (1788-96) свой Ринский Элегии и несколько сражений, сближен-
ны еще больше.

Ринский Элегии (Römische Elegien, 1788) написаны
в подражание Проперцию и другим латинским мо-
дальным поэтам, когда поэту перенесено свое веннар-
ское счастье в Рим. Власство с ^{элегическим} ~~английским~~ раз-
личием сужда вошли оуды мифологическая фигура,
которая в своей томоге Тезе бросила по требованию
Тердера; но на ее пути не оураживается утренняя судорога
и куча наветов, как у римских поэтов; перед
нами или являть олицетворений, как Трама и Фигур,
или магические образы, в которых поэту видна
закую насродизую тинуть, что иная срабовидя безраз-
лично, или такое возобновление мира, которая в зо-
не время сего дальнейшее поэтическое развитие: ко-
нечно, боги и герои и в зренье видны магическая или
рокой популярности; но заки оукровенный ^{любовный} срабовидя,
рентя и не должны быть популярны, отны предполо-
кають мунсервенную зрелость и классические обра-
зование. Для знака отны превзошел здтес Пропер-
ция; что последнему удаётся только в оудальности
случайно, здтес оутивляеть все: сцену и дитербие. Пред-
срабляють здтес одни образы и они не покоряся, а
дотербують премеяго движения. Нидты это не являеться
болше блезрацины образны, как в зоу короужкой

Из прозаических рассказов в "Корей" Шмиллера явились, "Разговоры немецкие и переселенцев" (Unterredungen mit den Auswanderern) новеллы и аллегорическая сказка, рассказанная в кружке эмигрантов, которые убьют перед французскими вояками с нового берега Рейна на правый: они сами сражаются как и интересны тем, что мы можем видеть в них судьбу и характеры и в то же время на, благодар, как и полн, чешки прозвонной парий, которая рево, люция перенесла и в Германию, нару, шатая прекрасной отношеия и пор, уду общесуветной правы. Подобной же рамкой, с задними планом общесувет, мало бедсудия, уше Боккаччио связали свои новеллы; и как же уше Боккаччио, Теже собрали здесь не только перемешив или вымышленный, но и дозавлеченный другими материалами и украсили его всеми волшебными своего искусства.

стадезбо, общезнму, государзбо, прозвоннозбо позо, зной и непосредственной, или действительной и созерцатель, ной, или зредобавительной и самоотверженной жизни; и греческие боги уше позоны должны были снова едгалахся ему дороги, что они обозначают позоны, ные зины и в правсубвенном зире."

Кв "Торамь" (Die Toren) приключилъ, Шарль-Жюль (Альманакъ мюзь), для котораго Теже далъ свои "Venetianische Epigramme" (Венецианскія Эпиграмы, 1790). Въ венецианскія эпиграммы (написан, ные еще в 1790г.) Теже коротко и грубо высказывалъ свое мнение, фривольно какъ внизъ, такъ и вверхъ.

Въ "Разговорахъ немецкихъ переселенцевъ" (Unterredungen mit den Auswanderern, 1793 и 1795) новеллы и парий создавали главный коривъ рассказа, дава, шато рамку. Но эти описки, какъ и уше упомянутыя драмы, "Великий Коорз", "Die Auswanderer", некончен, ные "Видеомюзь", занимающаея революцией, шато, ли мало успела.

"Келен" (Kellen, 1796 и 1797, названы по рим, скому эмигрантскому Марциалу, давшему 13-й кни, тв своимъ эпиграмамъ это заглавие). Оба шурмала - "Тора и Альманакъ мюзь" - несмотря на благосудия и мена создатниковъ, итали весьма посредственный успелъ: плохо подготовленная кризика вернула

и свои глубочайшие религиозная и философская убежде, ния Теже умали связывать сь древними мифологическими фигурами; передъ первоначальными греческими художествен, ными произведениями, но его мнѣнью, оупадало все про, извольное, воображаемое, "Музе необходимое", восклица, ет онъ, "Где Богъ!" Ему казалось, но уше и Римозы, впервые дае вчтмозея своему духу.

когда беспрерывно сражались даже способные люди.

"Майнвоттинг" — альманах издан на 1797 год и произвел чрезвычайное волнение: во время выпуска были расхвачены 2000 экземпляров; вышло много возражений и безчисленное количество рецензий. Но произведение авторства зловещей двукимии "Кесий" возбудило только малое возмущение и низкий образ мысли.

Справедливое нападение была блестящим образом доказана невозможность записки. Веймарская двойная звезда неудержимо поднималась; и если положение немецкой литературы около 1790 года, по сравнению Тёге, подобно было на арисократическую анархию, где Клоппшток, Виландт, Тисмант, Бердарт и Тёге, каждый управляли своими малыми царствами, то теперь эта анархия решительно должна была перейти к другому образу, посредственному консулу, срабу. Борьба с духовным временем укрепляла силы. Это не удалось отдалить туману, то возматовила геррористическая сфера Кесий. Совершившись этого рода, готский дом, Тёге и Шиллерь снова образовались к серьезным и самостоятельным работам, которых можно назвать событиями в том смысле, что ни одно произведение поэта не подверглось на своем пути злого, тогда другой поэт не подверг его серьезной, всеобщей критике.

В продолжении войны не было больше надобности. Последовало обнаружение новых произведений и по сроднику действительное для веймарской сцены. Около этого времени вышло ряд прекраснейших баллад и романсов, которыми обогатили поэты в

„Kunstenamtliche“ на 1792-й год, для которого Тёре дала баллады: „Im Zaubervogel“ (Волшебный ^{птица} магический малолеток), „Im Spitzwäuel“ (Мокшаэль кладовы), „Im Lohr im Rhein“ (Коринтская невеста) и „Im Gott im Lohr“ (Говь и Баддерка). Как видно, в это время Тёре соревновалась с Шмиллером в сочинении баллад.

Если драматическая деятельность производилась Тёре прекращалась именно около этого времени, когда Шмиллер самими свободными образами располагался всеми театральными средствами, то на поприще эпической поэзии Тёре теперь впервые вернула развернуть всю свою высокую силу. Пoesie „Вертера“ она не издали больше ни одного романа, ни одной повести, и только отдельной баллады являлись предсказательными повестью, вазельской формы. Но в жизни готовилась „Учредные годы Вильгельма Майстера“, и участие Шмиллера пресиде всего помогло совершению этого обширного романа, на котором больше была какое-нибудь другое произведение Тёре способствовала тому, чтобы распространить славу его авторства и особенно в Берлине навсегда утвердить его поэтический авторитет. Если читатели „Счастья Вертера“ должны были смотреть на мир глазами лектёрского поколения, то здесь Эгоизм мира показывался таким, как он есть и как на него обыкновенно смотрят люди без предубеждений.

Возвращение к содержанию. Вильгельм Майстер, сын богатого купца, еще ребенком привлекательный к театру и сцене, скрывался в театральном возрасте его идеала — поэзия и драма. Но неопытный и слабый характером,

отъ снѣшиваеца свой идеалъ съ любовью къ Марианнѣ, довольно легковыявляемой моррису. Другъ его Вернеръ доказываетъ ему, что и въ горючихъ естѣ своихъ идеальная сторона. Эта мысль еще болѣе утѣшаетъ его въ надежде знакомства, во время одной поездки съ актеромъ Мели, пою; Мелина рисуетъ ему поразительную картину про- замескитъ Баденъ, презрительныя сцены вѣнскихъ актеровъ. Окончательно разочаровывается Вильгельмъ въ зтомъ мѣрѣ, когда открываетъ, что Марианна измѣ- нила ему, отказывается отъ театра и отъ правителей, — возво- рою книги романа — ищетъ извѣстнаго по горючихъ дѣламъ своего отца. Но на первый же шагъ отъ находки на одной фабрикѣ театральныхъ модельей, и знакомое ему искусство снова привлекаетъ его, особенно когда отъ возвращается въ группу канцелярскихъ пидеуновъ тринадцата, зилтерного дворянъ Лимсонъ, съ котораго ходитъ ея обращая безреловенно — и Вильгельмъ выкупаетъ ее у него дѣла. Въ то же время отъ знакомится съ группою актеровъ, въ которой его привлекаетъ особенно въ зреннѣ Фрильма. Безхарактерной герой скоро забываетъ свои обязанности, замѣря, цѣль своей поездки и отдаетъ вполне на волю окрестнающихся его одураченцевъ. Отъ покупаетъ полный театральнѣ гардеробъ и дѣлаетъ расилъ образомъ директоровъ театра, въ обществѣ съ Мелимомъ и замескитъ Тарфнеромъ. Въ забываясь объ устройствѣ группы его развлекатель золько удивитель, пою пѣсни Лимсонъ: „Ранкт ди вал ланд, во ди Стонен блѣри, Зи танкалн ланд ди Голд-Стондн ульри“ — (Мнѣ знаешь ли край?), „Нинт нинт ди Рафрѣрл Канкт, Канкт, нинт иф ланд!“ — (Мнѣ дожь, кто знаетъ пералъ?). Въ 7-ей книгѣ Фрильма

Это прозвучало анемическимъ
 Тѣло рдогого милое
 на скамье доминан,
 Тѣмъ вырѣн прокладеннѣ
 плоды шевелить,
 Тѣмъ съ мѣрною обидеи
 лавръ горди стонетъ
 Мнѣ знаешь ли, другъ мой?
 Мнѣ о зуда!
 Съ зобѣмъ в горючѣмъ
 всада!

Поймешь срадамъ?
 Схожро я грешно въ даль
 Боже цюванъ!
 Всесъ въ зруццѣ, герилто,
 Въ зосѣ цюванъ!

Мнѣ дожь, кого люблю
 Заласъ оу милой!
 Мнѣ днѣи промѣдннѣ мнѣ —
 Я иду въ молчанствѣ —
 Мнѣ дожь, кто знаетъ пералъ,
 Поймешь срадамъ?

Вильгельма даетъ представлений въ жизни одного графа
 и знакомится съ жизнью высшего общества. Знакомится
 онъ также съ молодымъ графиней, которая умоляетъ его
 бросить оръе, если онъ ее любитъ. Вильгельмъ испол-
 няетъ ея желаніе. Въ это время умираетъ его отецъ — и
 онъ становится независимымъ хозяиномъ значительнаго
 имущественнаго и вполне погружается въ театральную
 жизнь. Въ четвертой и пятой книжке романа подробно
 изображена эта жизнь, къ которой сърелились дамы
 передовые умы второй половины XVIII вѣка, находив-
 на сценѣ осуществленіе поэзіи сраженій, не возмощаемой
 въ обаятельной жизни. Тамъ болѣе Вильгельмъ изучаетъ
 лучшее цѣлѣю жизни, особенно когда знакомится,
 черезъ посредство разсудительнаго Ярно, съ произведеніями
 Шекспира. Во время сраженія умираетъ актриса,
 на нее нападаютъ однажды разбойники. Вильгельмъ,
 храбро защищаясь, раненъ и теряетъ сознание.
 Его возвращаютъ къ жизни сестра Мильбона, Филиппа
 и героиня Назалин, казавшей это же дорогое со своими
 дядею и братомъ. Выздоровевъ, герой прѣзидуетъ въ
 большой городъ и, вернувшись въ группу директора Серло,
 выходитъ самъ на сцену, сильно заинтересованный
 Аврелиено, сестрою Серло, братою Сораино. (То, что
 Теге говоритъ въ этой главѣ романа о Гамлетѣ и
 Шекспирѣ, вообще принадлежитъ къ лучшей поэтичѣ
 англійскаго драматурга.) Ближайшее изученіе его до-
 казываетъ, однако, Вильгельму, какъ плохо поминка,
 юръ его и актеры и публика. Серьезное искусство со-
 влечетъ ему оставить сцену — и онъ освобождаетъ ее вѣнчанъ
 съ Филиппой, казавшей съ Фридрихой, братомъ Назалин.

Авгелин умирает, сыграв роль Орсини во „Эмилиа Талози“, и поручает Вильгельму передать ей письмо кь когда-то любимому ее, но изгнанный ей графу Лотарио. Шестая глава романа посвящена этому письму и носит оудальное название „Виконтесса пинчфо“, или „Лила“ (Признаки прекрасной души). Как доказали комментаторы — это автобиография Казерини Клеменберги, которую Тёре (как уже знаешь) любил в молодости. В последнюю главу этой части, седьмой и восьмой, Вильгельм приводит Лотарио письмо Авелин и при этом вставляет кь эту графу, видя во всем идеальное все, много кружа. Идеальность эту, однако, до того разстроили расхождением своего мнения свое со стороны, что для поправления его собирается жениться на Терезе, во которой видит хорошую хозяйку. Третья часть, однако, разстраивается, как как Лотарио думает, что Тереза — дочь шенцины, которую он любил в дни своей первой молодости. Тогда во нее влюбляется Вильгельм, просит ее, чтобы она была матерью его сына Фрикса, которому она оставила Марианна, умирая. Но она все-таки за Лотарио, отдав ему, что ей мать была совсем другая шенцинка, вовсе его не знающая, а Вильгельм женился на Марии — и таким образом оканчивается его учебные годы. ✍

Роман эту писал около двадцати лет, хотя и не под ряд, с урывками, как вообще Тёре писал свои произведения, до представляя иль по несколько раз, до оставая иль на несколько лет, и потом снова кь ним возвращаясь. Свою работу над ним Тёре начал, сколько известно, во февраль 1777 года, продолжая во

1772, 82-85, 1791, 94, а кончилъ только въ октябрѣ 1796г.
 Промежутокъ дѣйствія указывалась приближительно война
 за Баварское наследство. Лотарю принималась участь въ
 Американской войнѣ за освобожденіе и званіе рыцаря,
 чтобы облегчить участь своихъ крестьянъ. Требовавшій
 Вергера какъ будто осуществляющаго въ либеральныхъ ре-
 формахъ. Впрочемъ уже не приносилъ и не прези-
 раетъ трудолюбиваго бюргера, а принимаетъ его въ свое
 общество. Идентично, Вильгельма Мейснера, по словамъ самого
 Тёре, дано ему, земное предубежденіе за великую несправ-
 дливую войну Баварскаго царя способно направлять все
 свои усилія именно въ войну, въ чьей природѣ ему
 противно отказала, и достиженіе чего для него со-
 вершенно невозможно. Сюда можно быть ормессено
 все то, что называютъ ложными направленіями, диле-
 тантскими и зрѣлым подобными. Но, вѣрнее съ точки,
 ложные пути могутъ вести и въ неопредѣлимый бла-
 гатъ - и, Вильгельма Мейснера представляющаго раз-
 вичіе, обиды и подтвержденіе этой мысли.

Это произведеніе распадается на восемь книгъ, изъ коихъ
 пять первыхъ пять нарисованы, каждая, съ франкфуртской
 точки зрѣнія Тёре. Вильгельма Мейснера есть законъ для
 горднн героя, какъ Фернандо въ „Сидель“. У него
 маленькое сердце, онъ только успѣлъ у знаменитыхъ, у
 него много звердой воли, а есть большая необдуманность
 выходящая въ связывающія отношенія, природѣ жизни,
 земное стремленіе къ гармоническому развитію своего
 духа, своего вкуса, своей личности и въ высшей степени
 идеальной представленія о возмодной реформѣ нѣмец-
 кой сцены. Онъ больше вглядывается въ себя, чѣмъ въ окружающаго

себя, и его вынужденный миръ посподлинно высуживается через край. Онъ многоотчивъ и сражается поучая. Въ изобилии прекрасныхъ словъ онъ обыкновенно излагаетъ самую возвышенную мысль. Музыкъ онъ знаетъ больше изъ познать, чѣмъ по опыту или наблюдению. Познать онъ склоненъ и къ самообману: все же иногда у него явля- ется сознание своего некомпетентства, и Шекспиръ само- видя его руководителемъ и другомъ, который по крайней мѣрѣ побуждаетъ его лучше узнать действительность, ко- торая его окружаетъ, и прилагаетъ свое знание къ ответствен- ной сценѣ. Онъ колеблется именно между практическими догматами и театральными: охотѣ хотеть удерживать его при пер- вомъ, наклонности же тянуть его къ второму. Победу мы узнаемъ самого Тѣре, сына франкофуртскаго бюргера и поклонника Шекспира, ролью его дядюль была адво- катура, а Вильгельмъ, какъ другъ Тѣре Фрицъ Любви, былъ купцомъ, и Тѣре слушалъ театру только какъ поэтъ, а не какъ актеръ, а Вильгельмъ ходя и занимаясь таксею по, Физей, но по преимуществу губевуаръ влечение къ теа- тральному поприщу. Онъ проводилъ много времени съ актерами и актрисами, съ походящей на Клеркенъ Ма- р'янкой, съ разсѣрливой Калиной и его женой, съ несправедливой шенциной Лазрзонъ, съ легко- мысленной, но весьма любезной Фрилькой, съ театраль- ной практикой Серло и его срастной, глубоко уяз- вленной, покинутой аристократическими возлюблен- ной, сестрой Аврелией. Развертывающей превосходной, прихотливой сцене, которая чередуется съ серьезными художественными разговорами, мелкими интригами, поразительными совбидями, трагическими поношениями.

Вилгельмъ привлекаетъ своихъ друзей къ Шекспиру. Въ пятой книгѣ чинятся его оцѣны; затемъ онъ дѣи- ствительно вступается на сцену; его первая роль — Таль- перъ, сынъ правителя; и его эмпирическое призваніе ка- жется рѣшимымъ.

Но именно оцѣнода познать будемъ насъ въ другой міръ и на дружную ролю зрѣній. Сцена была задумана, нѣтъ; оказывается несомнѣннымъ, что у Вилгельма нѣтъ таланта; и мы овладѣваемъ присказоческій кругъ, который до сихъ поръ вѣдими съ нами иногда въ соприкосновеніе, но лишь случайно и мимоходомъ. Въ то время какъ въ первой пятой книгѣ арлерокра- зы играютъ далеко не красивую роль и представляются барономъ, который дилеттантски замахъ драмой, непо- зволительно кокетливой баронессой, кельного сумасшед- шимъ урасломъ и его красивой, но не слишкомъ второй женой, затемъ въ лицѣ Лозаріо мы видимъ благородный, шитъ ринъ арлерокраза, нѣмецкаго паррота, который не- сомнѣнно напоминаетъ Карла-Августа и котораго окру- жаетъ обшество преданныхъ друзей и подружъ, Колодмо- радумный Ярно, который долженъ быть напоминаетъ дармштадтскаго мерка, аббата, который бытъ основанный на Тердери, сестра Лозаріо Назалия, мягкая, урасривая душа, полная тизотки и возвышенности, которую можно сравнить съ фрау фонъ-Шейнъ, и практическая Тереза, которая походитъ по характеру на дѣвственнаго Лозаріо и становится его женой. Вилгельмъ вступается въ отно- шеній къ эрмишъ поддѣль келье Тѣзе къ веймарскому дворѣ; дѣвственна душа каменья ему затемъ единствен- ной доедоймой; онъ счастливъ, что слышитъ Лозаріо;

и его любовные заблуждений находятъ завершение въ сердце Назалин. Вословившись предразсудково иголь среди друзей ошлывивши молодей, романти и закончиваеца къ, сколько ни неравнели браками. Мужичиши этого кружиски соединены между собой таймовы союзомъ, которой давно италы во виду герод, въ конце концовъ принимаеца его въ свою среду, что оцотъ наполнинеца какъ масонскій орденъ, къ которому принадлежали герцогъ, Гердеръ и Тече.

Посла тязой книги Тече довольно характерно высту, чиль признаній одной прекрасной души, въ существови Биографико драматизи Клеппенберга, зой франкфуртской прать, зельбицы, которая склонила его къ герригуртской религи, озноски и которую затемъ оны едвалица зезкой Лозарю и Назалин. Ед признаній дополняеца карзину мораль, наго есередниа, въ которое вообще насъ вводица Тече. Вильгельмъ и актеры, Лазарю, Крно и ниль зоваричи по положениа - евазекіе люди, исполневыиыи земной жизни, удовлетворенныиы езеруиескииыи призываниаиы и полезной фрэдзельностиа, въ ро оне время почти все зоровне свободно пользуется насладениаиыи жизни и любви, гдотъ ниль наладуца. (Правда, у Вильгельма болтае строгія правила, но ботъ веткой религиозной позредностиа). Къ нимъ присоединяеца и въ замесекен, ноль еуиравте етраневиуеца по земле два драматескииыи образа: мимомта и арорнеца: дочь и озеца, которые другъ друга не знаютъ, выиседниаиыи ниль ирательнеского казолнцизма, скизатонциеца вынъ родимы, евазачныиыи ес Вильгельмовыиыи кейзеровки любовно и благодарностиа. Тече не извлечеца ниль бездотъ ееловческой души ничого

глубже зреть звуки существа и звать их, которая
 очень влагает имя в уста. Во имя как бы слова
 оживаюти сарве иезические формосервенные звуки:
 земной вошь и сремление къ небу; малоды модь,
 шей и немобитной, бромемного, не шилоуцаго друзей
 ребенка, который долгиемь скрывает свой выуренный
 мирь, потому что палуба замикает ему уста; слезы
 виновного, оставленнаго Богомь, одинокаго, доедойнаго
 соеграданя, котораго всевозмывает выуренное срадание
 какъ влюбленной, злочно подслушавъ, крадезя къ
 возлюбленной (какая ужасная картина): она сидитъ
 въ загробной жизни новой молодости, она сидитъ осво,
 боденяи золько оръ погител. На имя еловахъ зягожь,
 еръ мракъ, и вдали едва мерцають урении разветви.

Про башни фигуры изъ ковешной эпохи Тезе. Но и тогда
 очень сморзаны на жизнь озорничонии глазами. Тогдашево
 реальныи наблюдений, въ которыи давала поводъ при,
 дворянъ жизнь, соединилое въ башне сарвыи матеря,
 алаки; и свободные нравы, которые его окружали, от,
 разнались въ кинь. Какъ срановляея явными многия
 стороны тогдашнлаго света; но далеко не все; государево
 не проглядываетъ нигде; изъ социальныи звеняея осо,
 бемно высунуаютея аристокразия и промышленное бор,
 герево; первая выеавлена въ мушкетъ створъ, второе
 являея почти въ карикатуръ въ другъ и зяте Ринъ,
 гелъна. Но самое широкое поле занимаютея актеры,
 го бродяги, го высоко уважаемые, наждящиея въ разн,
 образныи отномении и съ низшими и высшими
 кругами, но соеавляютея свое особенное общество, на,
 ленское царство съ своими законами и дагоми. Театръ

и все родоразветное ему разветвляется перед нами от первых зародков, от самых редчайших оплодотворений до величия суммарной выработочного процесса, с почти систематической полнотой.

Первая шестая книга, составляющая самую лучшую и самую часть романа, были написаны до поездки Тэра в Италию, в этот период, когда он все свое время отдавал театру, будучи в одно и то же время и драматургом, и поэтом, и драматургом, и даже актером. Из содержания этой первой книги ясно видно, что автор писал в виду сообразности характеров и различий в степени заглавливаемости актеров.

Это сочинение много недосказано. Недосказано полного единства композиции; возмущения позы; возмущения, возмущения, возмущения, возмущения, возмущения. Но если изобразить в целом и особенно в более ранние главы, то эта часть велика, она так диверсифицирована на французско и чужие, восприятие так оживленно и так, видно, что и двукратная так взволнована, размышления так остроумны, итерес так превосходно поддерживается, возмущается и движется, что ни малейшее развитие происшествий, ни географические разговоры, ни многие чужие описательные эпизоды не утомляют читателя, а напротив сохраняются все по участю и в целом, и в том же явлении эпизод, какой совершеннейшей вокруг него. Даже так называемые загадочные романы, как, глупые, роковые мистика, загадочное похищение, нападение разбойников, увлекательны как бы прилежно мобилированы. Безлинейная природа, которая занимает такое широкое место в "Вертер", орудивается здесь советами

назад: поэта приковывает только человеческое. Он сра-
 вивает передь нами, въ несравн. порядке, длинной, богатой,
 изысканный рядъ характеристикъ. Онъ не описываетъ итъ:
 отъ толпы итъ живыми, вымышленныя для нтъ рати
 и поэтики, козоре итъ рисуютъ, часто съ непонятными
 искусственны. Онъ охватываетъ весь свои фигуры съ великой
 фертильностью иотинаний. Онъ воспроизводитъ, какъ сама
 природа, дурное и хорошее, низкое и благородное, ^{съ одичавшей любовью,}
 козельны совершенствены. И у него были предшественники;
 но онъ довели до совершенства направление, козоре про-
 фезовало прозвие добродетельныя герои Ринардона,
 и предсказыва образцы, козору чаето подражали, ко-
 зорого трудно доеригнуть. Понизки комедияровъ изобр-
 тавъ уже Скаптон¹⁾ въ "Roman Comique", но советны
 итате, козр и у него не обшлось безъ человека болне
 знающего, козореи замѣшиваетъ между актерами. Въ
 композици козр что замечувано твъ "Аларона" Ви,
 канда; фавъ была уже вообще чаше чема форма такою
 воспитательного и образовательного рока и связанъ
 съ эривы итъкозореи особенноту фелитки, и даме сюжетъ
 въ его самыя общиы очерканыя, переходъ отъ итета-
 фелитоту къ реалистическия взгляды и практической
 діятельности, бытъ чнаследователю отъ болне старого образа.
 здаетъ, какъ и фавъ, много заблудаточныхъ людей, козо,
 рые сами смыслодителны и иудитаторы въ епископде,
 нит; немногие избранные, козоре доерили добродетели
 и нравственной чезоты: советны какъ въ дилетантской
 жизни. Всякое нравое моральное изидание чурранено,
 и только наблюдение общезева, полного разнообразными
 особеннотами и дарованиями, способноту къ образованию

1) Paul Scarron, французскій сатирик (1610 - 1660 гг.)

и неизбежного, взгляды на неисчерпаемое богатство чело-
веческой природы и на многообразные проявления
человеческой воли и посязания, могут возвышать
болше тонкое чувство не только эстетически, но и нрав-
ственно.

Вот что Тёре сама говорит Эккерману об этом
своем романе: „Вильгельм Мейстер принадлежит
к числу произведений — как сказать — самобытных,
религиозных, и едва ли я сама могу сказать, что много
люблю к нему. Сказать найду в нем много такого,
что соображало бы его среднего, а это очень трудно и даже
едва ли возможно. Я думаю, что богата разнообразием
жизнь, проходя перед нашими глазами, говорит до-
статочно сама за себя, не нуждается ни в какой ясно-
выраженной тенденции, тем более, что тенденция
говорит только раздумью. Если же необходимо найду
в моем романе какую-нибудь тенденцию, то лучше
меланхолически основывать свое внимание на словах, с
которыми Фрадрих обращается в конце к герою
романа: „Взгляни назад на Саула, сына Киса,
козловый помет и скажи о нем своего отца и, выже-
мь, напечать царство“. И действительно, во всем ро-
мане только и говорится, что чаловство, бранные руко-
водные в жизни высшей степени, при величии
своих мучений и заблуждений довергаются в
конце концов к несчастному результату.“

Шмиллер, друг Тёре, говорил о „Вильгельме Мей-
стере“: „Это для меня ручей, из которого я могу чер-
пать воду для каждой силы души и особенно для
жизни, которая есть соединенное влияние ветвей и ли-
ств“.

випуску (она подразумовується силу зворисева).

Тарвинусь висказується прозивь мнѣмий, будзо
 бы Тѣре, съ самаго приездума къ своей роману, иштыль
 наиторянїе предсравилъ Вильгельма челоуекомъ несно,
 собитамъ къ сценическому искуеству. Окончивъ первую
 половину своего романа, Тѣре оуправилъ въ Уралю. По промисевин
 мнѣмилторъ, онъ снова принялся за свой романъ. Изъ
 впадавъ въ это время соборвеннѣмъ омизотъ, что значилъ
 попаерт на лозиннѣмъ нуръ, онъ измѣнилъ первоначаль,
 ннѣ планъ романа и задалъ мыслью выразилъ въ
 немъ символически омизотной ерремленїа юности,
 для чего придумалъ довольно скучный разсказъ о замк,
 ервеннѣмъ мизавъ, которей наблюдателъ каидвѣмъ шава
 Вильгельма и ободраютъ его на лозиннѣмъ нуръ, съ целью
 вавесри его замкѣмъ образамъ на периннѣмъ нуръ. Наконецъ
 Лютоневъ говорилъ: изым Вильгельма кейзера свероятъ
 въ прославленїи сценического искуества и уерановленїи
 теорїи восмизатїи. Въ послѣднѣмъ днѣмъ кнѣмъ мнѣм
 зольско "фрагм, что о восмизатїи: въ нѣмъ развивателъ
 замкѣмъ гадельно глѣбокїа мысли, которнѣмъ выкупателъ
 недоезатки романа, но во всемъ оедалннѣмъ оедалннѣмъ
 онъ далеко уерунателъ первнѣмъ месри кнѣмъ и по
 характеру, и по мнѣмъ ресу. Тоборъ вообше, Вильгельма
 кейзера — днѣмъ свѣмъ, произведенїе неизмѣннѣмъ,
 какъ охозвалъ о немъ самъ Тѣре. После первого чте,
 ннѣ я оедалъ къ немъ довольно оладетелъ, но похолъ,
 чнѣмъ болше въ него издвалъ, днѣмъ болше проннѣмъ
 удивленїемъ къ его красозатѣмъ и, въ то же время, днѣмъ
 арѣ обозначалелъ предо мнѣмъ его недоезатки:

Такъ или инаке, это безспорно лучший нуръ романовъ Тѣре.

И въ своей біографїи Тѣре.

Конечно, въ композицији его много недосадковъ, и отъ
 такихъ мало удовлетворительныхъ предвзвѣдѣній, которыя мы
 предвидѣли въ законченной повѣсти, какъ Гюго и
 Тассо мало удовлетворительны законными драмы; но
 душевная зѣлота и мягкость, соединенная съ мудростью
 зрѣлаго ума, дѣлають его однимъ изъ самыхъ сильна.
 дѣльных созданий человѣчества, а разнообразіе пре-
 несеній и степеней характеровъ заслуживаетъ самого
 суроваго моральнаго припирающаго съ юности
 увлеченія и Тѣре: но любви отъ сродныхъ степеней
 поведованью, отъ не были бы въ соединеніи созданы
 такіе степенные дѣла. А. Курничниковъ указываетъ
 на одно примѣръ далекаго литературнаго вѣдѣнія
 этого романа: какъ ни мало общаго между самыми
 субъективными изъ поэмъ русскихъ поэтовъ — Федоровъ
 Досюевскій и „олимпійскій“ Тѣре, великій вымыселъ,
 но? чуждымъ согласуясь, что Келли въ „Умисіоннѣхъ
 и Оскарблѣннѣхъ“ сестрѣ Тѣреведѣ Миттона, только въ
 мной, познали болѣе характернаго описанія.

Въ концѣ романа (1-я часть, Лѣтняя, учебнаго года)
 наивно подчеркиваетъ тенденція: В. Мейхеръ, прене-
 брегавшій деньгами и благами земными, инволюціи
 мечтами и суррогативуціи въ группы аутеровъ, какъ
 оказывается въ послѣдствіи, въ отношеніи зрѣла самыхъ
 благовѣнствъ гораздо болѣе, нежели его друзья и
 родственники, усердно занимавшійся дѣлами: но,
 снѣдній облыскъ и опомлѣлъ, дожда какъ Мейхеръ
 не только собралъ свою юную красу и привиле-
 карельность, но и приобрѣла аристократическую не-
 вѣсту съ богатства приданнаго. — Взоръ не смущалъ

этого своего произведений законченными. Оно указывало на продолжение, которое Тёре дано очень поздно, но обь этомъ разъ бреть въ последнемъ периодѣ.

Въ лирической уоне правше упоминаются, Рихский Делій" ¹⁷⁹⁶ ~~связаны~~ разеказы "Александръ и Дора" въ элегическомъ разиторъ и разговоръ Новый Паззіи и Изоблѣтница (или пийн Павліас тѣ рѣчи Шлѣмтѣтѣри), два удивительный художественный произведенія неисчерпаемаго доронства. Памъ, въ Алек- сандръ и Дору, любовный союзе, заключенный въ мо, между разлуки, какъ никогда намель своего невесту Гердери: бед судьба въ корозковнъ зоройливомъ мочет, тѣ, внезапное влеченіе сердцу, нѣжное исказіе и со, масіе, обторъ навсегда, въ то время, какъ зоваринци не, зертельно зовуць разегающагося на корабль, и въ души его развертывается прошлое, настоящее, будущее, шела, ния, надежда и сомнѣніе. Туть, въ Новомъ Паззіи, любовникъ у ночь своей возлюбленной: она пледеръ вѣсочнъ, отъ подаетъ ей изоблѣт; обь этомъ прѣдътомъ замѣримъ мо досадывается нѣ словъ, которыми они обмолвиваются, и богатыи намеками разговоръ проводятъ передъ нами драматически сураснуо сцену, — сцену первого знака, сьва, и дальнѣйшуро корозкуо сердечнуро сердечнуро нехорно доронпобедной парочки. Въ обонѣ разеказахъ господствуетъ античный коезномъ. Но Тёре носила въ души озерезвенный сюжетъ, который отъ началъ обра, бозиваръ зорлась носитъ окончанія. Уреднать годовъ Ринъ, гелъма кейтера въ сентябрь 1796 г. и который былъ вполне оконченъ въ июнь 1797: вѣнецъ его этики, масерское произведеніе его реализмическаго сьма, благороднѣйшій плодъ зого направленія, которое отъ пришло въ Итали:

„Германн иш Доротеа“ (Германн и Доротея).

Тече упрасивился въ эиическомъ гекзаметръ, когда со низине-пшавецкаго нарочий переводиль въ этомъ разикрты наль уше изъвернало сзарало „Ринкек Лиса“, и оти зеперь прилошилъ гекзаметръ къ пшавецкому сторлерскому стозмеру, какъ едильало эго фросеъ въ своей „Музго“ и другиъ идиллий^{Поэма}. „Германн и Доротея“ под., пшва популярноеъ Тече на закуцо вьсоузу, на какой она не бьвала со времевъ Вергера. Эромъ идиллийскій этосъ, или эиическая идиллия, раздольенчатъ на девять пьесовъ, названовиль ишснати девяти музо — Варна и позрическая картина, селской жизни въ Германн.

Отъ первой пьесы ^(Камилла) трахурициль „Золотоъ Лева“, на, споръ и апрокаръ разсказывагоъ обь эмиграциъ шизе, лей зарейнскиъ городовъ и селекий, богучиль оти взоршевий французекиль республиканцевъ. Трахурициль послать своео сына Германна навертному бьгле, чаль съ етосровиши принаеами и плаубель. Силь воз, брацаеъ и обидекаеъ, что оти передали вьта запасы бьльи и провизии одной двьцильи-эмигранткы, коро, ратъ обьшала раздартъ иль гьль, коро бьльише муздаеъ. Оздеъ и маръ сердаеъ на сына за ро, что зоръ не вьсаеъ дькаеъ о шенитьбь и не вьзаеъ на догери сосаднило фабриканта. Силь озьваеъ, что догери сосада вьегда силдильи пьтго невьомеъхьвалъ, и уладиль огоремовий. Маръ идеръ озьскиваеъ его, наводиль въ вьзель и оти кризнаеъ, что поилдиль вьурьзавилуроеъ ину двьцильи. Ку-эмигранткы и горовъ даие идъи вьлкъдъ за него, если не можеть вьсехи се въ домъ, какъ своео невьосу. Маръ рьшаеъ зопкаеъ ише поговориъ обь этомъ съ оуцови.

который продолжает беседовать с пастором и анжкарелью. Узнав, в чем дело, пастор берет сторону Термана, говоря, что «одно мгновение решается вся судьба человека и все направление жизни». Анжкарель соглашается, но, хотя ему в зрании случать и подробно раздумать, кто эта двубунка, похваливается Терману. Отец соглашается собрать справки, и молодой человек с двумя друзьями отправляется в деревню, где остановились эмигранты. Столбный собираются самые благоприязненные. Двубунка оказывается не только дарителем весьма добродетельным, но и героическим: во время нападения на нее и других двубункушки тайки мародеров, она выхватывает у одного из них саблю, убивает его, ранила еще четверых — и спасла себя и подружку своих. Следующая 7-я глава тем не менее (Эраза - Эрко - Дородей) изображает сцену встречи Термана с героиней. В последующих двух главах (Меломомена, Урания) описано возвращение Термана с Дородейю в дом его отца и согласие его на брак сына.

Теме не выдумана сюжетная, но выдумана одна из больших парадной книжки, вышедшей в первой половине XIX столетия. В 1797 г. Теке предприняли свое предприятие в Швейцарию и намереваясь в это время истребить знаменитого Виктора Телла, но скоро они бросили эту мысль, отдав его Шмиллеру (который впоследствии написал драму *Wilhelm Tell*) и изобразил по возвращении другой предмет, «Терманом и Дородейю». В книжке: *Die Liebeszüge des Herrn von Pulzberg an die Emigranten* вступил, гдето рассказ, как в 1731 г. царь Пруссии, епископ заландбургский, прогнал с своей земли всех протестантов.

Большая зима их проводила через город Мадрид, где жила одна богатая графиня, напрасно склонившая к смерти своего единственного сына. Молодой человек между эмигрантами увидал девушку, которая произвела на него такое сильное впечатление, и о которой все ей соотечественники дали такие хорошие отзывы, что он, придя к отцу, объявил ему свое твердое решение: он женится или на этой девушке, или ни на ком. Отец сперва не соглашался принять в своего богатого сына и убеждений пасора одолевает его гордость. Сын идет к девушке и предлагает ей поехать к нему в эмиграцию; она соглашается. Только придя в долину своих предполагаемых господ, девушка узнает, что готовится ей судьба. Она охотно принимает предложение поправившегося ей молодого человека и вытаскивает из-за пазухи камелек в 200 дукаров: она все не была безприданница, как думала ее будущая свекор.

Такой сюжет взял Гюго. Муж бургундского сына вышел от Германа, из турманской швейцарии замбурга - его Доротея. Гюго во многом изменил рассказ. Присуде всего он придал ему интерес со временности, образив замбурговских прозежантов в эмигрантов революции: это только, эмигранты, прибавившие к лавало берега Рейна от полужизни неурядицы Франции. Это дало ему возможное прои, возмездие и семейственность бурных политических сражений, волновавших тогда крайний запад Европы и призывавших несчастье

человоиссуба. Ога безродная масса нуридаеда въ предводителяхъ: судьба, котораго они сущитатояся, принимаютъ роль Гисуса Кавина или Моисея; и вовсе не случайно Тора вскорости по окончаніи поэмы занялся переходомъ изразисрэмъ черезъ пусраню. Если нурида возбуждаеда эгоизма, если она разрываетъ общесрвенную связь, то она же и завязываетъ иль снова. Все, что пошехъ озмаларъ эга пошехъ общесрвен, мало корня, соединено въ дорожета. Она бѣдна; у нея нора родилей, ни сезеръ и брагсобо, а ея мечиль умеръ въ Париситъ подъ эмгозкой. Но однокоерво дмаларъ се само, сродилейной, а въ бѣдсрвѣдиль сосидей выказываетъ ея лю, бѣдсе сердце. Она умеръ за все вздрѣся, она не думаетъ о себѣ; она дмаларъ амазонкой въ опасную минуту; она подаетъ боильниль и слабиль умильную помощь.

Во противоположноекъ ей Терманъ являетъся предъ срабидеельнй прочно установленной жизни. У него еср все, чего не имееда дорожета: богасррво, родилей, оуексрво. Вокругъ него развертываетъ правильноекъ озноменій жизни, жизнь сурруговъ, иль забота о дѣдильнй, иль разиланое обращеніе съ ними, знакомсрво съ сосидильнй и съ дилозильнй собвожи насророниль. Но люди маленькаго городка, насророниль мы знаемъ иль лично или по разсказаниль, съ своей сророниль дмаларъ на двѣ группы: прогрессивную и консервативную. Среда Термана, козильнй госрильнильнй Золозого Льва, и андекаръ гондрей за лодой; они срремиларъ къ внюшнильнй благамъ. Конечно, андекаръ не пошехъ дмаларъ факъ, какъ аму хогерей, самое новое, что они президе себѣ добиль, зерекъ снова срано, видей сраниль; на великій собидій времени они смозрида какъ эгоисрвическій сраниль колосрильнй и радуетъ своейму

одиночества. Прокрицику закон неависенна забота,
 легкокиселенной, раздразнительной и горячий, испол,
 немный гурьва собезвешнаго дозволителна и гедолителна,
 уважательный въ соборы и жегалоний украсител свой
 городокъ, отъ модныхъ блестя, ссредилея подмарся и ис,
 лаея себѣ богатой снажи - невиселки. Это само дошменъ
 буть значительное его. Время, чужие край, большие города
 слушать ему образочны. Отъ и анжекаръ удивляющея пер,
 воку кунцу миселка, у котораго всегда естъ новѣйшій
 вензи, и оти подразнатея ему. Филмъ зрель, фракцирици,
 ку, анжекарто и не подвляющея личио кунцу, про,
 живонлагаея пасорь, маръ и Терманъ. Последний
 досрабляея оузу мало радоея: отъ советиль не флемея
 выше. Въ школѣ отъ шель неважно, отъ необразование,
 отъ неловочъ, отъ не чиняея укашиваръ, отъ одываея
 не по модѣ, у него нѣтъ фаланговъ; но отъ крадрѣ и мѣ,
 буть работу, котораго сильно украсило его зело; отъ
 чиняея обращаетъ съ лошадины и съ земледелиемъ; отъ
 ненавидитъ несправедливостя и занцизаея слабѣ, отъ
 добръ и неспорченъ; отъ способенъ къ дѣлу, но безъ
 самонадѣянности; въ модѣ отъ застрѣнчивъ и робочъ,
 а не бурно силкъ. Отъ домогаея того, что ему идеть.
 Отъ предсрабляея собою цѣлѣнну пароднуо силу нѣтъ,
 цевъ: его думевляея национальнѣй павоств, инертивель
 сопротивленія чужеземцамъ; но дома отъ не хочеть
 ничего другого, какъ исполнить назначеннѣй ему зрудѣ
 преданной дѣятельностя. На его сторонѣ маръ и пасорь:
 послѣднѣй образованнѣй человекъ съ яснымъ взглядъ,
 дома на вензи, котораго господствуетъ надъ окружатию
 ли превосходствомъ своего ума; первая - просая цинцица,

которая ее разумной зверостью доминировав над лесным царем
 времени и искусно довершает цыли. Оба признаются
 доэпохи Термана, когда озець его унижался; оба
 чужако вь его думь и козакъ предохранит его самому
 себя, когда озець козакъ бы мучировать его; оба под-
 держивают его любовь вь Дорожець.

Но сама эта любовь, какъ она проявляется вь кельи
 и вь думь, есть первоначальный феноменъ искиривной
 обобщенной привязанности, вь козакъ вь то же время
 заключающаея заисчерпанная, никогда не исцеляемая
 сила, судьба. Уже вь „Римскихъ Элегияхъ“ Тэре про-
 славлять божию случайность, а вь рассказъ „Алек-
 сисъ и Дора“ изобразить любовный союзъ, козакъ за-
 ключающаея какъ будто милоходоми и какъ бы по все-
 зачному вьнушению. Также наши другъ друга ради,
 земли Термана и закъ набождать другъ друга Терманъ и
 Дорожець. Быстрое решение необходимо, какъ вь „Алек-
 сисъ“; поэтому что мьловеніе проходить, и если двьвумъ,
 ка не будетъ удержана, то она можетъ быть навсегда
 исчезнуть для любящаго вь безсудный времени. Не-
 смотря на поспешность, от козакъ Терманъ принимаетъ
 и исполняетъ свое решение, вь насъ не поднимаетъ
 никакого сомненья, подбождать ли они другъ къ другу:
 закъ глубоко давъ намъ козъ загляднуть вь иль думь!
 Два характерныя существа подаютъ другъ другу руку, и
 между ними не можетъ подняться никакого значенья,
 наго недоразуменья: она улыбаетъ повиниваясь, а онъ
 не будетъ перузо повеловать; она будетъ пощадит, онъ
 будетъ уважать. Средневековой козъ мотъ бы сказаць:
 поспешный гелованъ получающаея поспешно моту.

Оба испуганы, оба показали себя несостоятельными в доброту и надёжностью в सदобривномъ жизненномъ кругу: она въ бурную войну, онъ — въ благополучіи мира. Но Тезе выдерживаетъ землескій контрастъ до конца; и именно самое мудрое и слова наиболѣе многозна, изреченіе отъ бережера для конца. Дороженъ приобрѣла звердоеть въ непосредствѣннѣе мира; но она еще сонна, вааетъ въ счастье, еще рука объ руку съ женихомъ она зрѣнцера и сравниваетъ себя съ морелодцелью, которій наконецъ приехалъ къ берегу, но которому кажетъ, что самая безопасная почва самой звердой земли все еще колеблется. Она зочно слегка срановилъ на нее ногой. Въ самый шумный булвдъ на жизнь определенно зъли отъзали, какіе она перенесла. Но зочно законе Тернавъ «ертаеть» нтъ своего міра зыренность въ поехо, антомъ, неподвижномъ: „Тухъ зъль крѣпче будеть нашъ союзъ“, говоритъ отъ, „при всеобщемъ поурдесті, зль, Дороженъ! мы должны звердо держаться сами и крѣпко держаться обладаніе прекрасными благами“.

И зиттская прозивоположность, на которой построяна вся поэма, освѣщена еще яснѣе, когда здѣсь въ первый разъ всплываетъ въ нѣсколькѣ определенномъ очер. заній образъ пресмыкаго зенника Дорожен, для котораго зчасной переборотъ зраль роковымъ. Въ воспоминаніи, зль Дороженъ нашъ срановилъ понзривилъ и его міро „воззрѣніе: все зенеръ двизера, думалъ отъ; болше, зтъль когда-нибудь, человекъ — чужой на землю; все блага об. манчивы; міръ, кажетъ, разлагаетъ въ хаосъ и ночь, чтобы образоваться снова. Такъ хаосъ поглотивъ и его. Но зочу эндузизму, которій привелъ его въ Парнасъ,

свучесть само пость, если нагорь авалитъ городокъ и
 зривъ дасть поидеть, почему Тѣе мостомъ дмидервѣ въ,
 бралъ именно такой городокъ, а не болшой городъ и
 не деревню, если и въ другияхъ мостѣхъ мы могли у-
 знать самого автора въ изобразительныхъ или лицахъ. —
 все-таки отъ повсюду сохранили полную объективность
 и не заставили ни одно изъ своихъ лицъ сказаться, что
 чего они не могли говорить въ силу своего характера
 и степени образования. Они всегда охотятся вторить ищи,
 мѣ. Какими люди являлись здѣсь, какими и въ змѣну
 разъ можно наблюдать въ жизни. Они никогда не пере-
 шель точно границу дмидервѣности. Они выделяли
 зольско характерное и злобиво изображали ордональ
 лица, вызывая или зинтескѣй черты снѣжки, чѣмъ
 други.

Переданный преданіемъ сюжетъ Тѣе долговѣ былъ
 освобожденъ отъ того неблагоприятнаго мотива, что можно-
 бодманъ дорожа въ конце концовъ приносили знаменитъ,
 кое приданое: зорь мамочка съ дукатами годился бы для
 коцеду, но не для Тѣе. Во ни въ чемъ осканьныи ему
 не трудно было измысливъ разсказъ о залцбургцахъ. Онъ
 едвали его только болѣе связными и болѣе полными.
 Въ ослѣпительныхъ мотивовъ явился изъ зого обзвѣреть,
 съва, что онъ провѣлъ измысликовъ не черезъ какой
 городокъ, но зольско въ естество. Если въ первоначальной
 изоринъ само можно-но мѣцкаго бургера сначала берега
 зинтескицу залцбурга какъ служанку и въ зривъ
 каесть въводитъ ее въ домъ своего оуца, но послѣдній
 прикинаеть ее какъ мѣвезку и зривъ оскорбляетъ
 ее какъ мѣцковезной муркой, пока все не обьяняется: —

го Тере удерживала эту черту, моделировала ее закончиво-серьезно
 поноши, который заключил в обручальное кольцо на руке
 Дородея, и давая рассказу такой оборот, что серьезно оскор,
 бледная дьячиха, шилая чужишь дома, в то же время
 сознается в любви к Терману и, заклинает образцов, оз.
 криваясь своего глубокого тайны. Позже удалое так оскор,
 либо устанавит происшествий, что мы вылезли с ними
 ту икозодной прозы поднимается к высшим обла,
 срывая поэзии. Этого пройденно почти весь круг цело,
 стический гудевы. Среди друзей трактирщика, которые
 с недержанием идуца любовиюся парю, говорят
 даме о смерти, передъ зломъ, какъ входяща Терманъ
 и Дородея, и последними рылаки все окружаются
 в цыное.

Какъ уже знаемо, поэма распадается на девять
 поетов и, какъ историческйя книги Терадога, очень
 пояду ижема девяти букв; Касидому ижема озвн,
 кадез настрояние данной поетии: весь родъ поэзии
 оздываюцца здает по стожеру. Такъ художественно
 и такъ естественно расширился повидимому измяки,
 желтый слугай. В самага маленькаго пункра рас,
 криваясь самый широкй кругозоръ, тайны болтае, то
 недерживая широта этого связана здает с драма,
 зилескимъ эфоректомъ. Единство времени соблюдено;
 тайсьвие совершается в течение одного полудня. По,
 зто очень редко выкупаеця с естественности поведе,
 неидны; экспозиция отылана какъ в драмъ, когда
 взоросженная лица говорят о главнйше: Терманъ
 являеця лично и говорящима лишь во второй поетии,
 Дородея лишь в седьмой. Но мы в полной поелодо,

базальности знания в действующий мизанс, что они держали
 все время; и обративший ландшафт в его размышлении
 газелью изображений эстетическими средоточиями детства, что
 могла бы сделать это драма, так что при многократном,
 но и переменною миссией все-таки возникающей законченной
 картина. Все разсказъ ведется в высшей степени на-
 глядко, и читатель нигде не лишены спокойного созерца-
 ния. Тезе рьяно и глубоко подготавливает искусственного возбу-
 ждения интереса; и когда Терманъ съ бодрымъ озабо-
 ренностью замочаетъ кольцо на пальцы Доротеи, то
 читатель уже давно знает обвинение злого. Суть и раз-
 сказы происходят из школы Топфера; но нигде почти
 бытовыми подражаниями. Простой предмет не переносит
 блеска Топферова языка: здесь почти никаких по-
 сраженности эпитетовъ, эстетических формулъ, одна развѣк притча,
 почти никакой мисологии, и чудесное ограничивается
 случаемъ и предзнаменованиемъ. Но несмотря на про-
 стоту и правдивость, всегда необычайная прелесть. Виль-
 езо гудевеннаго великолѣпнаго душевная глубина, ко-
 торая неодолимо съ угрожающей силой увлекаетъ мисра
 сердца.

Вердеръ и Вилгельмъ Лейзеръ, Гюмюль и Торквато
 Массо были одинокие, озорванные отъ семьи люди: Тер-
 манъ озадаетъ въ средѣ семьи, и въ домъ, какъ не у-
 мнелъ его цѣлитель озецъ, и какъ его покидаетъ мать,
 мать вспоминаетъ юность самого Тезе. Мать Термана
 близко подходитъ къ драматичной близости фронь-Берли-
 нителю, и для обилья могла служить оригиналомъ
 фрау Анн. мать Тезе. Вмѣ припоминаетъ родительский
 домъ, его привлекаетъ немецкая семья какъ поэтическое

предметы, съ звать поръ, какъ у него самого есъ сьсья и его дни провсѣтѣтся сьснои и ребенкомъ. Измѣнивъ, шиньѣ обѣщѣемъ сьсья мизми, которѣя Тѣре основанъ посли ирѣвѣнскѣа нурѣсѣрѣвѣя, ны обѣзѣмъ безѣмеръ, кой поэмѣ, вершинѣ всѣло повѣнѣмѣа нѣмѣецкѣа нѣсѣсѣрѣа, какъ говорѣмъ Шаллеръ. И Тѣре сѣмъ въ своѣй прѣкрасной элѣгѣ „Германъ и Дорожѣя“ указывѣеъ на эзу сѣдѣ, кода просѣтъ у мѣзѣ нѣ лаврѣа, а роуъ дѣя дошамѣнѣа вѣнѣа, и приуѣвѣеъ друзѣя, шѣмѣ они вѣ, сѣмѣмѣ оконченѣеа проуѣвѣеа, прилѣмѣеъ шѣ къ дошамѣнѣу огау, огаъ которѣа раздуѣеъ шѣа, шѣсѣу зѣмѣ какъ малѣнѣкѣ игрѣа бросѣеъ зѣдѣ сѣаъ.

Зѣмѣ повѣнѣмѣа класѣнѣсѣкѣа перѣа нѣмѣецкѣа мѣзѣрауѣрѣа, шѣмѣеаеа и доѣзѣмѣуѣеа сѣединѣеа съ грѣ, тѣсѣмѣ мѣромѣ, дѣно говорѣеъ нѣмѣ (Бюрѣерѣкѣеа эа, сѣ Тѣре. Томѣровѣкѣи зѣмѣ навѣсѣа сѣединѣеа съ мѣнѣ, шѣмѣ сѣдершѣанѣеа Бюрѣерѣкѣи мѣзѣмѣ. Шѣнѣко вѣ нѣнѣношѣеа мѣсѣаъ гѣвѣрѣуѣеа проуѣворѣеа; и дѣмѣ вѣ эѣмѣ нѣ вѣеа гѣзѣрѣи бѣдѣеа сѣгласнѣ. Мѣзѣно навѣдѣеа парѣмѣуѣеа сѣлова сѣмѣа нѣмѣецкѣа драмѣуѣрѣ, шѣка: „Я нѣ нѣсѣдѣеа вѣ шѣнѣ“. Но эѣа брѣа, сѣрѣзѣно сѣдѣрѣнѣа вѣ коѣдѣ рѣаи, проуѣсѣенѣа сѣ глѣдѣ „Кѣмѣ вѣзбѣдѣенѣеа, нѣ грѣмѣеа проуѣеа дѣнѣаго нѣполѣсѣнѣа.

„Германъ и Дорожѣя“ — сѣмѣеа обѣдѣмѣнѣеа, сѣмѣеа клас, сѣмѣсѣеа по фѣрѣмѣ проуѣвѣеа Тѣре: дѣмѣрѣеа вѣ вѣеаъ у нѣвѣнѣеа разѣвѣеаеа зѣмѣнѣзѣмѣно сѣсѣрѣвѣнѣо и нѣсѣнѣдовѣеаеа; зѣмѣ — сѣокойнѣа, ровнѣа, идеѣмѣно-шѣмѣсѣкѣи, шѣзѣмѣ, какъ крѣсѣалѣ, гѣкѣа мѣрѣеа сѣо. бѣдѣеа оуъ вѣдѣеаеа укрѣмѣнѣа; нѣдрѣдѣеа обѣдѣенѣа

жизни всегда охватывает формулы, прекрасны художественными
душевной драмы, но никогда не отвлекающими от нее сути,
шансы; возм. посылу Шиллера и сущность эту поэму, утратив,
границы, всего нового искусства. Но она не богата выразит.,
лишь содержанием, и в ней позитивное мировоззрение
Тёре ограничивается его национальностью и отчасти
его временем.

Вергер и Терман (говорила Куршицкая) — два
крайних противоположности, как по форме, так и по
содержанию, такие как и Тёре бурного периода, Богав.
тий с кнутом по площади, влюбившийся в куртку
невесты, до безумно-веселый, до мизантропически-мрач-
ный, кидавшийся от Спикозы к алхимии и от Волгера
к мезикалу, повидному, полная противоположность
зайному собрату фоту Тёре, знающему естественные
науки, другу порядка, врагу революции, всегда вазинному,
спокойному, ровному. Но Тёре все же Тёре. Так и Тер-
манов меньше одице с Вергером: оба они чистокров-
ные немцы, и прелесть произведений, в которых они
действуют, вполне достаточна только немцу; по своему
внутреннему мировому значению эта поэма не-
мное нечто, нежели другие произведения Тёре, менее
задумавшая; но за то ее национально-воспитательное
значение огромно: Терманов и Дороженко Тёре воз-
срамовили и укрепили до душевное равновесие нем-
ской нации, которое позреть и расшатать Верге-
ров.

Теперь следуют опять некоторые мелкие произве-
дения Тёре, двучислий, как-то: „Finis Jurisprudenz“ (заверше
времени года) — 107 двучислий / „Die Jurisprudenz im Vaxis“

(Пророцтва Такиса, 1798 г.) — 32. Въ зрѣньи приключенья или изреченья приключенья въ зрѣньи 1798 году, превосходной баллады: „Der Zauberfluch“ (Волшебный заклинание? или заклинание города?), „Тон и Бадерка“, „Коринфская повесть“ и легенда: Падкова („Der Zauberfluch“, 1798).

Тѣе, конечно, не остановился на бюргерскомъ сюжетѣ, (каковы „Германъ и Зороза“). Възъ освобившись съ гонимыхъ, скитаясь сиротами, онъ сзрѣлился приключенья его къ свѣдѣнному миру Тонера: онъ предпринялъ Ахиллею, идя (Achilleis, 1799 г.), которая начиналась тамъ, гдѣ кончалась Илиада, и доискива была разказами епикъ Ахилла. Онъ написалъ только начало, и уже носилъ нарисованъ сзрѣловъ губернатора удомленіе. Но зри пѣрсеоръ сзрѣловъ принадлежалъ къ прекраснѣйшему, что онъ произвелъ. Подъна открываеся великолѣпное попоместіе: Ахиллею, глаза короля направлена къ Улиссю, гдѣ сгораея поезде Тензора, и король закинулъ образы проситиваея погнѣ чась и поднимаетъ удрученъ съ несдѣлившейся злобой прозивъ умершаго. Зарѣны, передъ нами въвдѣодея шивыми въ олимпійскомъ собраніи греческіе боги и богини: здѣсь Тѣе мочи внаея въ до чудесное, которое онъ долженъ быть изъ таея изъ своего бюргерскаго эпоса; здѣсь онъ снова мочи воспользоватся, какъ поэтъ, гдѣми мифологи, гдѣми знами древняго мира, съ которыми онъ познакомился въ Израил, которые окружали его въ Рим, ехитъ Элеидея, которые онъ сзрѣлся проникнуть, какъ излѣдываея некусерва; но только онъ не не, ренесъ нѣе просо изъ Тонера: онъ развивалъ нѣе далбне. И что ему пришло възабиръ прозивъ грека —

уния томогены или возвышаются, бьются присудисных
 или полукаторь предооереженей: лосной царь убиваеть
 дитя на рукавь оуца; русалка увлекаетъ рыбака въ
 воду; невтарный любовники находятъ свое сокровище
 призракомъ среди друзей призраковъ; женихъ умира,
 ерхъ въ обиды своей мерзвой невесты; скелеты под,
 минаютъ изъ могилы и пляшутъ и пугаютъ сродожа,
 козорый слишкомъ сытало иль подслушиваетъ и обкра,
 двалъ; духи, ^{заклимаемые} ~~непризваными~~ человеками, слушаютъ
 только хозяина; карлики празднуютъ свадьбу въ градъ,
 скамъ замкъ и предвощаютъ свадьбу самого града;
 вторной Экартъ предооерегаетъ отъ неперолаго вой,
 ска; добрый гений указываеъ неказило кладовъ невин,
 нья сокровища жизни; божъ спускаетъ къ грешнику,
 цю и поднимаетъ ее въ оменномъ обиды на не,
 бо. По являетъ только розь драку, что чудесное вно,
 миваетъ въ человеческую судьбу; го въ немъ заучея
 болше глубокий смыслъ; соборъ - зиниты, иль пообра,
 тение выдаеъ изъвсрнуо рендеицио, или отъ явля,
 возея символами дубовиныхъ прозивоимозимоедей.
 Многорый баллады охотелъ вполнъ въ человеческой
 сферъ; отъ или сержены, или юмористичны; это не
 всегда происодитъ рассказы, но прозо знаменательная
 сцена. Увиданная орналка созавидеть аллегорико втор,
 кой, самооуберсенной любви. Съ пытки иль красоны
 разговариваютъ цыгань; но розь цыганокъ, къ королю
 отъ серженей, не забудка расежъ вдали. Баллады о миль,
 нимиль (Das Mädchen u. die Müllerin - Пасты и мельничиха, Das
 Fingerring u. die Müllerin - Колосеице и мельничихой рукей,
 Das Mädchen Amont - Извѣтка мельничихи и Das Müllerin

Вина" - Рассказание мейншпили), также отчасти соединяя в разговоры, соединяются в циклы. В "Первой Вальтургиевой ночи", говоря о хоры и оркестровые лица, германские язычники пугают христианскими эзотерией; разбивается почти оперная сцена. Напротив, другая сфера озвучения, которая тоже называется балладами, со-держатель только монологи, сказанные в извещенных положениях, извещенных лицами, как Милтона (Mignon или Машелов (wie Rattentanz)).

„Die unterirdische Hochzeit“ („Подземная свадьба“, 1799, 1801-03) - подпольная драма, которая была дана в Веймаре 21 апреля 1803 г. и точно также стала в виду французскую революцию с ее подготовительными, как „Великий Коффа“ и „Трагический-германский“, но и до сих пор не могла заслужить расположения немецкой публики, хотя при-надлежит к самым высоким и своеобразным работам поэта. Вот ее содержание: На охоту, в лесу, герцог признает королю, своему дядю, что одна не-давно умершая его родственница была в тайном браке с ним, и от этого брака у него подземная дочь Евге-ния, одаренная умом и красотой. Король сам убежден, едет в Эголь, так как как девушка участвует в охоте, и, после длинного разговора с нею, в котором она уверяет королю быть женой, обещающей признать ее принцессою коро-ви и своей наследницей. Но сам герцог не хочет допустить от секретности ни своей прав, ни наследства, и секретарь его убеждает воспитательницу Евгению убеждать дядюшку на охоту, в колонии, а затем она должна исчезнуть, так чтобы все уверилось, что ее нет на свете. Если же воспитательница не возьмет Эголь на

себя; Бюдери или интсарт, или озкросеръ Кольу, нибудь иль
 камторение, — Евгения Бюдери убийца. Чтобы спасти жизнь
 ея и охранить въ пущи, востизарельница ршашаетъ мот,
 царь и распуцаесть слухи, что Евгения ушла съ лошади
 и убила; орнесенная неподалеку оръ кахасурорфи въ
 доми свдиченника, она умерла на его рукахъ, и отъ удо,
 стовтордезь въ этомъ герцога, подученный, конечно, секретъ,
 зарель его сына. Визе преиде свдиченника самъ секретъ,
 зарель, въ диалогъ съ герцогомъ, разказываетъ ему подроб,
 поему унаснаго случая. Свдиченникъ сообщается герцогу,
 что отъ долгиекъ били хоронить поборонить печаль,
 мне озанки. Гезверное дмйствие происходмтъ въ гавани
 оудаленнаго прииборскаго города. Востизарельница
 передаетъ судью бумагу за королевской поддмство, коро,
 рого предмисывается весьма властью похрунаръ съ
 двубинкой, озвезенной за море, какъ прикажетъ ея
 востизарельница. Судья видеть, что это явное насилие,
 что двубинку безуръ навсртноу вырной смерти, позо,
 му что на острове, куда ее поселяютъ, весь прибывшй
 поидаетъ оръ ядывизель испареннй шибельнаго кил,
 маха; но въ зо сие время отъ обязанъ исполнитъ
 приказъ короля. Востизарельница говоритъ, что если
 еще средство спасти Евгения, если она озрелетъ оръ
 воемшль сферу и вейдереъ заключитъ, позабави все про,
 шное въ мирной, семейной жизни. Тогда сй позво,
 лаетъ озахбетъ на родину. Судья озвогаесть, что трудно
 найди такъ скоро теловка, козорнй ршмиледъ бы на
 такой брань, но, побеседовавъ съ Евгениею, самъ предма,
 гаетъ ей свою руку. Евгения благодаритъ его, но озказы,
 ваетъ въ диалогъ стала сь самими судьями, позоми ея

воспитательницей и говорить, что обратится к народу. В пьесе д'Анжвиль продолжается борьба с разговорами, из которой видно, что должна выслушать Евгения, но она разошлась. Тогда Евгений пробует обратиться к гу, Бернарду, просит непременно принять ее в монастырь, но весь огузманов передь указом короля. Монах, бывший миссионером на озове озуров, советует ей поехать, но она решает выйти за судьбу, и ее словами: "Возьми меня и кь алтарю пойдешь!" оканчивается эта сцена. Над драмой, в которой много бедно, недоказано, но многие психические моменты намечены и развиты верно.

Эта драма открывает нам положение общества, где королевское имя возбуждает переходящими мигами ночи, закисает, окружено почти божественными Слесков и повидному владеет огромными силами, между тем как на деле оно бездельно и подвержено позорным, тему злоупотребления со стороны честолюбивых и фриганзов. Евгений, героиня, член королевской фамилии, хотя еще не признанная окуро, и исполненная восгоренности родильной, подвергается закону злоупотребления и озорвана озу своего озуца. В то время как она, скрывшись озу свода, оудает руку Бюргеру и Эжики, как думают, оуказывает озу правь своего резиденция, кончается драма. Она должна была составить первую часть трилогии; а как озуровка, она не могла д'Анжвиль, быть в полной своей силе, несмотря на маскерацию зинтескую характеристики, несмотря на поразительную символическую поэмацию, несмотря на чудесно шивой, широкий, хотя иногда идеально неопределенный язык. Продолжение должно было показать, как

слабость государственной силы, неспособность правителя устранить у нас господствующее зло, открывает путь великому эгоистическому интересу, какъ государя, вообразнаго, щего, что онъ правитъ, самого только диктатора, какъ зоркую и сильную низшую силу, какъ партия следуютъ за партией, правление за правлениемъ, дурь. мы наполняютъ сяд, но Евгений возвращается на поприще политический соборъ съ гонимъ же родимизмомъ. Съ неизменною верностью къ королю и его семье, козрой она кричитъ, поощряетъ въ самые жаркие часы, пока въ борьбѣ со словесъ посылъ большого кровопролития не беретъ вервь военная сила. Въ основаніи лежали французскіе мемуары очень сомнительнаго историческаго и сциентифическаго достоинства, но для судьбы Евгения они представляли прилично нить, на козорую удобно было наматывать весь главный сюжетъ. Французъ нигде не была названа, только французская революція была исторически упрощена и доведена до ея основнаго явленія, какъ нѣкогда поминать Тере. Онъ безпокладно расширяетъ границы властелинства, но онъ не веритъ и народу, и за неграмотными словами предполагаетъ эгоистическія намеренія. Вотъно приходитъ мажоръ, что мы имеемъ только начало такъ широко намеченнаго произведенія! говоритъ В. Шереръ. Несмотря на отсуствіе въ ней стѣснаго, исполненнаго мизантропизма, не смотря на длинные и скучные діалоги и на эстраду развѣрку, въ насъ все-таки есть смелость и интеллектъ.

Драматическая производительность Тере почти прекратилась именно около этого времени, когда Шиллеръ

самыми свободными образом располагать всеми же, уральскими средствами. Тезе принадлежат мист. нрз Вонс, жера, нагомеца (нагомед) ¹⁷⁹⁹ и Танкред (Танстед) ¹⁸⁰² в 1802 г. для веймарской сцены и во то время раздроблены свои силы различными занятиями, мист. мало занимается творчеством.

~~Лето и осенью 1797 года~~ Новая поездка в Уралито должна была привлечь в круг излюбленных уральских, свое искусство средними восток, которое во особенности представляется флоренция. Но летом и осенью 1797 года Тезе добрался только до Швейцарии, где он встретил, ся с Мейером, с которым он познакомился уже в Риме, и замечки, которые остались на мист. зреть поезде, онду показывалось замечательный ценный орнаментально, Уральского Музея. Раньше он при, нимался за дело жак. сказать натуралистически, жер, перо он занимается всеми методически и приводит все в порядок как бы для научного описания му. жемесства. И бы видимо, что он всегда старается понимать явление не только как данность факта, но как законно развившееся явление, старается описать, как причины и излюбленные жвордизия силы. После, ней ^{4 чина} были обширные художественно-исторические труды, жер которые были ограничены только отрывки. Журнал. Принцип ("Принцип", 1798-1800) посвящен был почти исключительно жаким сферам. Мист. ниская задача на предии по символизму и художествен, нит высказки должны были служить практическим поощрением. Автобиография Бенвенуто-Теллини (Benvenuto Cellini. 1796 и 1803), переведенная Тезе, давала

У Теллини Мейером, швейцарским, символическим.

поводом для изучения флорензинской незории, искусства
и художественного ремесла. Вирину зин Веномито
Collini (Приложение к Бенвенуто-Теллини 1803) за-
ключает современное культурное изучение. Книга
„Винкельманн и его время“ (Winkelmann 2. Teil 1787,
1804 и 1805) дала широкое изображение
Винкельманна, Тезе, и незории искусства восемнадцатого,
за исключением Мейера. В „Учении о изобразительном“ (Taschen-
buch) Тезе была включена незория Колориза, Мейера.
„Фарфурн дит Фитваллиурн“ (1798) содержит и многое из
незории человеческого духа и литературы вообще.

Но радость от этого научного достижения все,
также не была вполне забыта поэзия. Как Тезе с со-
знавательными намерениями искал сюжетов для бал-
лады, как он в то же время замечательно сюжетизировал
новеллы из предания, так и его мириса получила
теперь новый оборот. До этого пор он редко пи-
сал поэмы по сюжетному материалу: он лишь
представлялся случайным или изобретением, в пер-
воначальном смысле принуждением, во втором более
душевным влечением, но всегда сюжеты являлись
сами собой. Теперь он начал и в мириса искать
сюжеты, брать мотивы из народных или иных
преданий, представлять их, усиливать и заимствовать
различные черты и мирисской поэзии. Знаменитое
собрание этого рода явилось в „Das Farfellerbuch zu“
mit dem Lindes“ (в последнем, последнем издании
Гельмгольца), в альманахе на 1804 год, который он
издал в Виландовых: это были произведения вполне
художественного искусства, но они менее разнообразны в

срими и въ изображеніи, мнѣе захватываютъ зоны непосредственной, прочувствованной правды, тѣмъ претннй срихвореній. Оттаси зго коровид пкени, оттаси пкени, възвнд пръ пущинъ ролей; часорисц. розд възможныя положенія, или невозможныя, но теласквид, или мечты, оты младиръ маски, передотъ, ваньд и превращеній, рыцарскій или деревенскій косякоть: словоты, перевышаваеъ прд, чезад фран. фазид. Тачъ какъ Тере не изображаетъ больше по пре. инуиссрву содобенныя радоеей и горд, зо оты и здес, какъ въ „Терманъ и Дорогетъ“, едмалелъ обвекривенч и радозаеъ съ фальъ художественныя самовоздерона, нисль, козорому оты нккогда положила основание въ Мзалии. Когда оты захоты слова какъ бы система, рически перерадываеъ даннай мозитъ и искерны, ваетъ его по весты направленидмъ, оты выказываеъ отыръ своего рическую методу, козорая въ перевыкы сзараетъ схватиръ поедатное, въ зельномъ бычное. И даме по сюжету срихвореніе, какъ „Свадильное суируци“ („Die zivliche Fri Givli“), напоминаеъ „Терманъ и Дорогетъ“; срихвореніе, какъ Свраисхвучици („Свраи. ниль, Турниль“) и окуицица („Kundliche und Raubtliche“) напоминаеъ „Подобную догъ“. Тачъ нѣмецкя селен. нья радоеей, сзары суируци, козорке отлвдываюая назадъ ^{на} начало брака съ неослабавимыя гувезомы, и съ гордосрью и удовонсрвильны содираторъ выросимы дачей. Здес высокая догъ одного гонимого владительского дочка, козорая наладиръ сраесе ладби въ деревны. И здес, какъ и фаль, на заднелъ шланъ военныя и революционныя двисеній, а на переднелъ шланъ

является контрастом или прочной или из старого
начала выросшие новые семейные союзы.

Но искусство, которое и теперь драмо с пошлостями
жизни, легко приближается к символическому, поэтому
то отдельные случаи, которые оно изображает, уже
зываются на многие подобию, и оно не будет совсем пре-
небрежно и аллегорично, которое крайнейшим из
земь представляются язык и фразы философских про-
звонкоязычных. Славянские сумраки (*Die dunkeln Göt-
ter*) снова выступают во всем. Два мисс Бринни
(Two Miss Brinny, 1802 года) во мизантропии Мерзена
и мажери Марзы, а вместе с тем в виде возоб-
новления прозвонкоязычных в одеситовке Тарна-
на. Марза твердо придерживается старого; Мерзены
свой за прогресс. Но оба должны ^{наконец} наконец
заключить Фриланоты и Бавкиды, и против того оказывается,
что рядом с другими аллегорическими фигурами,
которые обозначают естественность, оперу, трагедию,
они представляют шутку и бюрократию драму. Как
консерваторы и прогрессивы, прозвонкоязычные
старое и новое время, старое и молодое в виде
аллегорических фигур в горшеизвешной пьесе
Паллоортои и мисс Неозере, которого Тера осенью 1800
года праздновали день рождения герцогини Анны-Ана-
ли и наступление нового столетия: Паллоортои, ста-
ринка, охотилась своими зоварицей, которые Гресдгам
и Кавенешт; Неозерна, молодая, охотилась своими про-
возвонкоязычными, Гендросс и Касеис, и тогда приближаются
старое и новое, которые раньше были между собой
во вражде. И здесь теперь показывается своего справедливого.

История нем. литературы XVIII в.

свое безпристрастие и объективность.

Но XIX ст., которое Тёге привозговало, унесло много в ту же мерзость позора и нанесло ему само, ему глубокия раны. Въ февраль 1803 умеръ Тейль, въ марте Клоппзонн, въ декабрь Тердери. Прусский генералъ - охотн Тейль и повецъ, мессади - Клон, повецъ оузили свое время; ибо смерть не оставила пустоши, одному было 34 года, другому 79 летъ. Но Тердери только началъ шестидесятой годъ своей жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ взялъ сторону французской революци, и по другимъ оборотамъ бывшимъ, онъ поспорилъ съ Тёге или во всякомъ случаѣ оудалился отъ него; въ томъ, чего сообщая добывались Шиллеръ и Тёге, онъ относился холодно, даже съ отвращениемъ; и что, бы признать тѣхъ труды, онъ презрительно возвышалъ произведенія прошедшаго столетия. Его полемика противъ Канца даже уединила его: старый учитель и возлюбленный противникъ посылдовалъ за нимъ въ 1804 г. А въ 1805 г., 10 мая, непреклонная судьба унесла среди еназливотнаго зворнеца Шиллера, въ образованіи котораго философия Канца была существован. мовъ фермендова, онъ процвилъ только 45 летъ и шесть месяцевъ.

Тёге былъ даже поражено. Въ Шиллеръ Тёге похердилъ вторнаго товарища. О томъ свидѣтельствуе^{хотелъ}хъ и его перетиска, Biographische mit Schillers, 1794-1805. (6 ff. 1828, 29). Въ продолженіе всего одиннадцати летъ до ранней смерти Шиллера между ними не было ни малейшей точки раздора, ни малейшаго ослабленія обоюднаго дружелюбнаго или ищнаго уваженія; ни одной ссоры,

которая была бы между ними; никакого разнокорьих
 многообразие, которое могло бы быть удачнее друг от
 друга. В 1794-1805 годах никто не сходил к Гёте
 близне Шиллера. Гердер отдался от него, как уже
 сказано, и в своем эстетическом образовании не шел
 больше вперед, а скорее назад; Виланд уже прожил
 свои лучшие годы, тогда как Шиллер еще должен
 был развернуть свою высшую силу и германской ра-
 ботой своей фантазии и мысли увлекались к своей
 поэтической деятельности своего более обдуманного,
 на десять лет старшего друга. Как свои художествен-
 ная душа Гёте обиделась от Мейером, как мизера,
 зурной от Шиллером. Гёте как будто снова хо-
 тел овладеть поэзией зворнеки и практической. Теперь
 он впервые стремился всею ее, как ремесло, с
 сознательными употреблением ветади приемов, с
 зворнеки маэстрезов во ветади родади, с ме-
 ходически обдуманной выбором сюжетади. Он
 сфарался раз навсегда достигнуть того, что он по-
 казал уже в "Тассо", возвращаясь к зелью уже за-
 бодой: полного господства воли над производител-
 ной силой. Он умел, говоря его содзвенности сло-
 вади, командовать поэзией. Господство Веймара в
 немецкой литературе, основанно которого раньше
 помогли Виланд и Гердер, стало теперь, благодаря
 Шиллеру и Гёте, совершившимся фактом. X

IV. Последняя четверть сползий его жизни.
тридцать сорока Гёте, с 1805 - 1832 II.

В последние годы жизни Шиллера Гёте занимался
 естественными науками, директорством театра и при-

способностями для Веймарской сцены гурьить всех, будучи предсезавива зворисезво своему больше молодому и полному другу. Въ то время, когда Шиллеръ умеръ, Тёре былъ самъ сильно боленъ (у него преида было предъ чуборвие, что 1805 г. будери для обонда нль роковннмъ годомъ), и ему боились сказать о горь, поехуимель Веймаръ; но онъ затворилъ, что все вокругъ него были толь-то смущенны, и догадался: „Должно быть, Шиллеръ очень боленъ“, сказалъ онъ. На другой день онъ спросилъ одного изъ друзей: „вѣдѣ это неправда, что Шиллеръ вчера былъ боленъ?“ Того заридаль въ озворъ; Теме зшко сказалъ: „Онъ умеръ!“ и закрыла лицо руками.

Тёре былъ очень сдариоманный человекъ и не людилъ выказывать своего горь даже передъ самимъ собой; онъ поубежвовалъ згоду ударъ ешбнны ветавъ; онъ пере-сраль всеи дневникъ, какъ жакъ, но его созманило, его въ это время никто не интересовало. Это горе пере-срава оправившиес оръ згоду удара мезоркаго удара, носило онъ ~~милл~~ ^{рано} ~~нало по малу и зрудно~~ ^{рано} ~~было по,~~ сзавилъ своему ^{рано} знершаму другу наизумилъ асе релетинъ, вкнвръ въ зонки свидателсезвудъ о злубокомъ пониманнм и справедливомъ удоехосннм его въ сво-елнь „Epilog zur Feuers“ (Эпилогъ къ поэмѣ о колоколы). Тёре жилъ еще 27 лозръ и въ это время были бегуре, равнво дндзелены въ разлнчнмъ облаезяль. Какъ зуме сказано, ^{еще} въ послѣдннх годахъ жизни Шиллера Тёре занимался еезезвентннми науками. Теперь, поелъ смерзи друга, онъ еще поухзавнны продолчалъ это научное зандръе. „Мезаморфоза разереннй“ поввиласъ сначала въ видѣ разеуондентнй (1790), а поздннее въ видѣ сзи-козворентнй; онъ образилъ законне сереззное вниманнн

на пути шивовного мира, но образование и преобразо-
 вание, и его привлекала уже не новая область изследо-
 ваний: учение о цветухах (1790-1810). Но насколько не
 счастливо оно вводило новую идею в зоологию и бо-
 танику, настолько несчастливо оно было в физике.
 Напрасно отец Борнелль с духом Ньютон. Прозиво-
 положение в роду дой, которая существовала между
 Герднером и Кантом, отделяла его от просвещения
 XVIIIго века. Превращение от Ньютон до Кант
 привлекало Боншуро до своей силы от марксмаркс,
 а марксмаркское образование Тере было советами учу-
 щено. Со времени Коперника повсеместное сечение,
 знание суретного сара выше чужеземного вепри-
 дия и изобретение его обманов; но для поэта чуж-
 земное восприятие слишком часто казалось нею,
 средственным дозоборностью. Прозив Ньютонского
 учения о составной природе стало свора в нем
 развилось нечто в роду ненависти Таманна к
 анализу: они сознавая, что, дилит и елихав было
 не в его натуре. В 1791 г. они впервые гранко за-
 авили свое призывание, а в 1810 г. они завершили
 свои изследования; и если Эго несколько не помогло
 физике, зато физиологическая оптика получила
 ромингелитий толчек; было точно разобрано чужезем-
 но моральное влияние красок, в кругу наблюдений
 привлечены шивовной колорит, нехория учения
 о цветухах трактовалась как символ нехории ветви
 науки, а целое проникнуто было заками прекрае-
 ными и глубокими мыслями, что повсюду открыва-
 лись широким переизобретения. — Учение зрели Тере закам

для "Тодовъ сурасеви" (Wilhelm Meisters Wanderjahre) и для
 земли самоопределения, выделены были ди Оффенцимидт,
Фрэнк ("Изобразительное искусство" - "Орудия или искусство
 натур" или - как еще по-русски переведено - "Средство
 души" 1808 и 1809 г.) и развили в целый роман не только,
 но по внутреннему содержанию, сколько по внешнему
 обвету. Когда Теге учился еще в Сурасбургскомъ универ-
 ситете, отец совершилъ экскурсию в монастырь Тогенбургъ
 на Орлиевой горѣ, и въ его пещере брызгалась легенда
 о самопорожденной св. Орлии, которая бегу вьихъ съ своей
 сородице навлекла несчастье на дорогихъ ей людей. Тте,
 перъ отец вспомнилъ эту легенду, тогда воспоминать,
 съ именемъ Орлии и поживалъ для изобразительной только
 что персонажъ или душевной драмы: надидесярусскимъ
 иотркий поэтъ выдвинулся въ молоденькую давушку, или,
 ну Терцильдъ, приключило догъ его сгарало приездъ Генскаго
 книгопродавца Фрохмана, которая со своей сородице по-
 модила знаменитого писателя. Теге срадалъ какъ юно-
 ша, и друзья спасли его, отправивъ книгу въ пещеру;
 полное успокоение Теге нашеть только въ Зворгеевѣ.
 Мракъ отец написалъ зоръ романъ. Содержание въразитъ
 слѣдующее: Эдуардъ и Шарлоза, модившие когда-то другъ
 друга въ молодости, разлученные обещаньями, вьду-
 жившие въ бракъ съ лицами, вскоре умершими, сходя-
 ся онды въ зрѣломъ возрастѣ, какъ свободные люди, не-
 мьдъ и шивуъ мирно бегу порывовъ любви, но соеди-
 ненные кромного друидого. Но это кажуцееся единение
 зотмаетъ не разрушается, когда въ соприкосновение съ
 ними приходятъ другія, болѣе сродившія или души. Эду-
 ардъ чувствуетъ влечение къ Орлии, приключивъ Шарлозу;

Шарлоза — то ^{майору} капитану, старому другу Эдуарда. Попадая
 свои чувства и не забыв себя, Эдуард решается расстро-
 нуть свой брак, но ^{майору} капитан не соглашается на это
 и оставляет дом друга. Шарлоза зверже борется со сво-
 ими чувствами, поэтому что говорит себя мать, но
 Эдуард не в силах поддаться своей страсти — и бросается
 на войну, чтобы заглушить свое чувство. Оумил, мажора
 слаба физически и нравственно, ищет поддержки в
 своем дневнике, куда выписывает туманные мысли,
 сокровища размышлений. Рождение ребенка не предвзра-
 щает катастрофы: она походит на Оумилу и на ^{мать} ма-
 трина. Она ухаживает за ними, но Эдуард, вернувшись
 из похода, еще больше привязывается к ней. Ребенок
 умирает, благодаря неосторожности Оумил, которая,
 видя во злом наказании providения, дает слово Шар-
 лозе никогда не быть женою Эдуарда (хоть за слово,
 хоть о разводе) и решается бросить из себя дома. Эду-
 ард ищет ее как теренито, и тогда она решается уйти,
 рвет себя голодом, чтобы скорее покончить с жизнью.
 Умирает, она берет с Эдуарда обещание, что зорь будет
 жить, но она не переносит страдания и зорье умирает.

Роман распадается на две части, каждая из восьми
 глав и две главы: симметричная и параллельная проводящая
 и зорье, как в других случаях. Зорье приключенное
 свободной формой композиций, вводящие рассказы, вы-
 держки из дневника, и вторая часть, быть может, как
 ренно раскрывает, замедление развития слишком
 велико. Но вообще именно композиция композиций,
 сходные и подготавливающие мотивы, родоубившая ме-
 лодия, строго выдержанное обоснование построения из

срастри.

Талла не леньте, Орхидия идеальная парюра, розовая
ветвь шербовара для друишь; негасяте, которое она
вноситъ въ чужую семью, пресиде всего разбиваетъ ея сод.
срвенное сердце; рохантъ оканчиваетъ какъ разъ зрели,
чекки - смерръто Орхидии и позолю Эдуарда.

Вроде болше обширивый рохантъ Тэре, написанный
въ зрелую пору его таланта, основанъ на законъ ли,
лическаго средствъ, но покорому извѣсному въ ея сре.
идея соединяется между собою, зода какъ другія ни,
когда не стоживаютъ. Точно законъ между людьми
взрочаетъ взаимное влечение другъ къ другу даме
проживи тѣь боли. Задачу созавидаетъ здѣсь бракъ, „но,
сродное отношеніе“, зитическое упресданіе челоическаго
обидея, которое Тэре измодовалъ со враненіи нудеме,
срвдъ въ Израілю. Если Тэре относилъ къ какому въ
„Вильгельмъ Мейстеръ“ съ легкомысленными взглядъ.
Дали XVIII столетія, зо генеръ раземарриваетъ его въ срро,
гиль зочетъ зрелій болше сарвезнаго времени, какъ и
„Сземла“ Тэре получила генеръ зрагическое окончаніе.
Бракъ освѣщаетъ со ветви сроронъ; слугамъ разнаго рода
отласки разсказанъ, отласки нрѣлю изобразилъ, а подоб.
ный случай нрѣ наеродизаго ^{времени} (поитовизентъ въ цемрътѣ. Эду,
ардѣ и Шарлоза давно полюбилъ другъ друга, но поздо
верутили въ бракъ, после зого какъ оба были въ сурру.
мезеявъ съ друиши и обдовали. Капитанъ (или майоръ - такъ
майор), другъ Эдуарда, и Орхидъ, телья мамка Шарлоза,
входяте въ тѣь домъ: Эдуардъ кубезвуетъ влеченіе къ
Орхидии, Шарлоза къ майору - капитану, и они безро,
чаторъ взаимную склонность. Шарлоза и майоръ обла.

даною смелого волею и охотливою. Эдуардъ и Оулия ор-
 даною своей сражен, но и Оулия научается отказываться,
 съ и умноженъ уверить: Эдуардъ умираетъ вѣдомо за ней.
 Финическая прозвонкологическая между сраженъ и само,
 оураженъ въ проведена и въ подробности. Эдуардъ со,
 оураженъ конураетъ съ камураетъ (маіоромъ): первый
 не зорко въ любви, но и вообще не умноженъ ни въ чемъ
 себя отказать и упрямно настаиваетъ на своихъ мнѣн,
 мнѣн; взоромъ во вѣнцѣ вѣнцѣ по военному дисциплин,
 мированъ и привыкъ владеть собой. Первый вѣнцого
 безпорядоченъ, взоромъ зоренъ и пундураленъ; первый
 - дилеттантъ, взоромъ - маскеръ во вѣнцѣ, за тѣмъ возмездъ.
 Оулия, главное лицо романа, изображена какъ пор,
 зредъ со многими индивидуальными особенностями,
 надъ козорским, однако, господствуютъ черты финическія.
 Она служила конураетомъ для двухъ сраженъ: для Шар-
 лоты и зоромъ для Моциана, дочери Шарлоты отъ пер-
 ваго брака. Въ первомъ случаѣ дѣвочка оураженъ
 отъ оураженъ, во второмъ одна дѣвочка отъ другой.
 Шарлотта естъ установившійся карактеръ, Оулия - еще
 развивающійся; первая живетъ сознательно, вторая не,
 спонтанно; первая дѣйствуетъ одуманно по общему
 закону, вторая зорко по личному, но тѣмъ чувствъ;
 первая знаетъ жизнь и умноженъ самостоятельнымъ взглядомъ
 на миръ, вторая блуждаетъ какъ слѣпая и даетъ себя
 вести другимъ, особенно возлюбленному, пока ей умно,
 но все же продолжаетъ и пока среди горькихъ страданій
 не являетъ ей узника о жизни, любви и долгѣ. Во своей
 сраженъ Моциана обладаетъ великимъ качествомъ, при
 козорскихъ легко имитатъ чужды среди людей; Оулия -

всими качествами, чтобы доллар дружить сасливыми.
 Люциана ухватить вселенную для себя воспользоваться; Ози,
 мидь сражает сама вселенная слушать. Первая блестящая,
 взором скромна; первая Эгонезиуса, взором преданна.
 Люциана подвывает только во взором части романа.
 Только туго вои ближнему знакомилась с двумя мечами,
 ланчи Озилиа, и оба ^{они} ~~влияют~~ друг друга конкурентов:
 архипрезиденты и педагогический помощник из того заве-
 денія, где воспитывались Озилиа и Люциана. Первый -
 художник, взором - практик; первый - романтик,
 взором - рационалист; первый представляется поэтом,
 взором - прозу. Первый похвастается возмодетично как
 ангела на небо своей готической капеллы и угловари,
 ваешь ее явиться в шивой карзине свядой Марией;
 взором думает открыть ей подобающую кружку джарль,
 поера, далай ее начальницей пансионна.

Люди долга и разудка во поэтическом воспроизведе-
 нии обыкновенно бывают сухи и ангинаричны, вѣе
 въ изображеніи Шарлоты и камифанна суммалъ изобрѣ-
 шая этого. Архипрезиденты представляють собой оаши-
 реніе поэта. Озилиа ордалает сраженію; но она годичны.
 ваешь, что она должна быть советомъ безкорыстка. Ядъ
 природная преданность становится самопожертвова-
 ніемъ. Она благосердива. Божественное проникаетъ ее
 всю. Само поэта называетъ ее «небесной». Она даешь отпоръ.
 Она накладываетъ на себя эмигрантъ. Божественная и озъ.
 казавшійся оръ великой тиши, она умираетъ. Земное
 все больше и больше съ нею спадаетъ. Народъ привыкъ,
 ваешь ея жалу чудесную интеллектуальную силу, и вѣрзу.
 ющие, обремененные сраженіями для поклоненія

въ поэтической камелле, где она была покорочева. И
мы, по воле поэта, должны сохранили въ прозаический
образы, какъ образы просветленной свядзи, и вспомнили
объ ея зримыхъ добродетельяхъ, мирное величье кою,
рысь нундатуциясь миръ обнимаежь во всякое время
съ радостными удовлетворениями и зерделеа съ сраасного
скорбью?

Тже внесъ въ эгоу романъ между прочими свои
тже-субъективной ощущенія и говоришь, что „въ келье
поэты ни одной черты, которую бы отъ себя не перенесли,
конечно, такъ, какъ золско отъ однихъ словъ перенесли.“¹⁾

По мнению критиковъ, въ Эдуарда и Камиллате (кал,
арт) Тже изобразилъ два сродныя самаго себя; въ зрагиве-
ской раздвѣлкѣ романа келье не замкнулъ любовный,
пой параллели съ Вергеромъ: это поэтъ, спасиисъ
самъ отъ крушения, предохраняежь дружба. Въ другомъ
мѣстѣ своей автобиографіи, Тже сознаежь, что прочитавъ
„годы въ законъ положеніи, которое сохавляежь зрѣть
прозвѣть освядченныи порядковъ, на какиа основа,
ни охраня человекеева“. Комментаріи нашимъ, что перво-
образомъ Эмили была — г-жа фонъ-Шейль, какъ уже зна-
емъ, однимъ изъ многочисленныхъ предметовъ любви ни,
сарелл, жена обершталмейстера, весьма годанъ старше
Тже и маръ съперыкъ друзей. Но въ ней отъ телье,
въ реченіе дельзи поэтъ, закид поэтичскъ телье, что
выдаваежь стонаніе ивъ за тже-поэтическую дружбу
было бы большого пардонного, хотя, съ другой стороны,
въ обнародованныхъ телье келье указавъ на су-
ществованіе между ними положительной свядзи. Въ
романѣ много прекрасныхъ газтоседей, много зонкай

¹⁾ Срав. автобиографію „Dichtung und Wahrheit“ („Поэзія и правда
моей жизни“).

психологии; болшииство вросеженникова лице перекрест
рукой великаго маэра; но оставшая задача его
предсказывает суранный, назидатель, какъ суранный
и самая суранный суранный коза къ двучику, котораго
годилась ему во вичуки. Романов, при его подвешен,
возбудилъ воезреть диниль кризисковъ и неудовольствие
дружить. Последние находили содержание безнравствен,
ноши, въ языкъ изысканноверъ, недоезракъ евоиесери,
даже суранный расеяньюверъ.

Но романов очень интересенъ въ психологическомъ
и философскомъ отношении: соединение поэзии съ наукою,
интереснаго чуждого, сновъ, предчувствий, симметрии
его расположения (въ каждой части ровно по 12-ти
глав) указываетъ на влидние романтической эстетики,
а точное и ободраженное изложение мелочей поэты,
пятией поэзии — на стремление Тэре къ реализму,
который въ будущемъ долженъ былъ занять место роман-
тики. Этотъ роман — оправдание нарушения священной
брачной связи, а между темъ Тэре называется Филиппо
святого. Нельзя, однако, романовъ считать приключен-
нымъ безнравственнымъ: это только изысканное изображе-
ние болтовнистого созвония вичуреннаго человека
и, вичуреть съ темъ, художественно вторная картина
маэрсоний эпохи, въ которую шилъ Тэре. „Средство
пазурь“ одна изъ первыхъ художественныхъ попытокъ
изображения немецкой буржуазной действительности.
Это — главное эпическое зворение со смерти Шиллера
до смерти Тэре; оно выполнено со всею поэтической
силой Тэре: маэрсонское прозаическое произведение
его суранный реализма, какъ Турманъ и Доредъ — поэтическое.
„Philipp Haseker. Biographische Skizze“ (Филиппо Хаскеръ. Био.

графический очерки) написаны в 1810 — 1811 г. Это — более подробное изобра-

В 1810 году Тёпе окончил свой ученый трактат „Учение о изображении“ (Bildlehre), который стоил ему большого труда, несли основные, а полонимельной пользы науку принесет только ветвь дружба: Тёпе не имела дружка-магистратического образования, необход-

жение души, связь отношений великого симво-

Reflexionen im Malen (Рисунки, мысли и наставления) 1810-1832 г. 6 книг, предисловие по полонимель-

В следующем 1811 году он начал печатать своего автобиографию, „Dichtung und Wahrheit“ („Поэзия и правда моей жизни“, 3-я книга вышла в 1814 г.), которая должна была служить, и действительно служила лучшим кокетом, зареком к его произведениям. 1-я книга преимущественно касается и для понимания дружба литературных делений XVIII века.

Во „Поэзии и правды моей жизни“ Тёпе рисует самого себя до двадцатипятилетнего возраста и рассказывает не только всего задуманного иль до этой точки. Трудь возмужавшая суровость поразительная по своей правды и высоко-художественному исполнению, прекрасная характеристическим писателей и их произведений, не только возмужавшая иль писателя, начинающаяся с его первой любви к Фредерике и оканчивающаяся его любовью к Мини. Это полная, художественно изображенная картина сорокалетних годов XVIII столетия.

„Эйн Вандерман или Нисланд“ (1813 г.) — рассказ о сестре Ви-ланди, появилась в Цуррихской газете 1813 г.

Это Тёпе занимался до последнего времени и сочинил, иль произведений на разные случаи, но до указанного уже раньше и тоже доказывает (и) двухактная пьеса „Представление Эпименида“ („Das Epimenides Bewachen. Schauspiel“ 1814 г.). Тра-

1) Об этом см. Labrun. Dichtung und Wahrheit. 4 Tle. 1809 до 1813. T. 1, 2, 3. — 1816 — 1831 г. T. 4. (Z. 24 — 26, 48).
2) Кн. палеонтологическая.
3) праздничное драматическое представление.

драма была представлена в Берлине в празднование победы над Наполеоном, в 1814 году, после взятия Парижа. Возь содержание пьесы: Муза рекомендует зря, земляне Эпикетида, которому, изумившись втайне своим предвидением и которому доступны все тайны вселенной. Но genius приглашает мудреца не развешивать эти тайны, а лечь спать. „Заснуть теперь — значить во званье много.“ говорит Эпикетид и ложится на великолочное ложе в краше, в глубине сцены; за ним заперают двери и он засыпает. Являются воины, отправляют миссия на службу, и демоны порадоуствия, одушевляющие их покорить не только весь мир земной, но и воины. Демон лукавства пробуждается в ряды воинов и замедляет их беспрестанный ход. Кардиналы, придворные дипломаты, горнефы, даме дамы и всевысшие козачи основывают победное шествие демона порадоуствия, но дождь будит в них зомско своих рабов, разрушает великолочное здание и сруйной колоннады, окружая, возмущая их. По его мановению, земля и небо опусты, ваюте руины, без надежды на возрождение. Являются Любовь и Вера. Демон дарит их драгоценные браслеты и поясы, но тайно приковывает к зямлю украинские земли, изгнаны, козачи и опустывает их. Его играет зомско Надежда, являющаяся со шизоном и конем, и она во змясте убивает. Во зромом дню, сзвичи Любовь и Вера, окованная цепями, умирает на свои срадания. Тем же освободителем их, король идущий будит Эпикетида; дождь, проснувшись, удивляется, что все вокруг него разрушилось. Выходят новый хор воинов, уже не порадоустителей, а освободителей. Эпикетид

сознавалъ, что онъ спалъ такъ долго. Мрецы угрожаютъ
его жонь, что Хозя отъ и быть осужденъ богамъ на по-
кой, «но, недружный срастѣли, озалясь чистъ душой».
Является Эдиподуше и возвышаетъ законъ, спасающій
«отъ золь, ^{unpail} напастей и оковъ». Законъ Эгозъ Хозя и просъ,
но зрѣдентъ для исполненія: уединивъ будъ, но звердъ
душой». Песса-аллегорій окамчиваетъ восплавленіемъ
нашего княздя, сражавшагося за свой народъ. (4)

Какъ видно изъ его переписки, авторъ придавалъ болъ,
мое значеніе Эгому произведенію, въ которомъ мы на-
право срамъ бы искалъ какого нибудь середняго оро.
моска великой драмы, позрѣшей въ ту эпоху всю двъ,
ропу, вѣнцезъ съ надеженіемъ Наполеона. Какъ мы знаемъ,
Тѣзе вообще относился довольно безучастно къ незорине,
сильно сообразилъ своего времени, и Шерръ не красочно
указываетъ въ немъ на полнѣйшій недоуражокъ незори,
чесскаго смысла. Такъ, онъ — по нѣкозорины кризисамъ —
совершенно не понималъ значенія французской рево-
люціи, и весь оузывъ его о ней, не говоря уже о «плоскитъ»
наслѣтывать въ его фарсаль, оузываются фривольными
взглядами на великія идеи и дѣла той эпохи. Велика,
фактзъ всей его природы и свойство убѣжденій закрыва-
ли его занимающа естественными науками и опускою
или интересовався судьбою Рейнека. Меса въ моменты
позрѣсающій соборій, зо стараніе его придакъ зрѣлтъ
сообразилъ мелочной и шуровской вадъ не дѣлаеть — ду,
матозъ слишкомъ строгіе кризисы — геозы сердцу и уму
гражданника, оузываются на міровой соборій. Сила,
пѣское велигіе и полна позрѣческая субъективностъ,
козорины обѣдѣаютъ отношеніе Тѣзе къ незоринскимъ

удачными и выражающими сущность предмета: драматизм, желто, здесь соединены азиатско-восточные образы и западно-европейский мистицизм и чувств, и genius Теге мочь придаст закону соединенного некоторую гармоничность. Хотя Теге называли по шордатов, который ^{он} (украшал себя Теге, был ^{полн ко} ~~полн ко~~ ^{тот же} себя Теге-мощь, маской; но в нем всякий легко узнавал великого человека, как в сердце венмарского гайного советника, как в душе ^{его} франкфуртского юнца приреспублику Ма, Рианну ср. Виллмер (их отношения были вполне чужды и мочурь была названа поэтической дружбой), а в Шт. мурт - Наполеона.

+) которая Теге мочь
отвечала на мелодию
человеческой сфирографии

Еще до 1815 года появились его двусерийный (всего 42) „Gott, Gemüth und Welt“ (Бог, душа-чувство-сердце и мир). Природа и искусство у Теге всегда были в близкой связи. Изучение колорита, которое явилось само сабою в Угалин, дало толчок к изобретению о цветообразе; и вот, по закону, как он наблюдал органический мир, сражался приводить его в порядок и упорядочить, он скарался овладеть и искусственными произведениями. Вот, как он полагал, разнообразие расцветок и символические формы происходило из форм первоначальных, из знаков, которые казались, что они мочурь думают, что греческие вавилонские мочурьными законом, как природа, что они некое, дали мурь всеобщего типа человека, следовали за ним в его изобретениях по родам, возрастам, характерам, выражениям, и в своих идеалах богов, отражая эту гайное различие земных индивидуумов, удрачивали только существующих, необходимых, органических гер. м. Здесь изучению искусства непосредственно приобщается его анархический взгляд, закон и его присутствие сфиро-

1) она написана для сфирографии сама написала убо прилежательный текст „Дивана“, с своеобразной мягкой мелодией.

политические опыты. И со 1816 года Тэре начал издавать журнал под названием „*Einig und Aelterum*“ (Искре, сего и древности), в котором были собраны энергичными сотрудниками; он вел его целых 12 лет и через его посредство управлял художественными выставками лучших людей всей Европы. В это время он уже высколотил и гофику, и сгаро-математичну шибонель, но когда въ 1818 г. повалился изъяснительные статьи съ Парсона, онъ снова вернулся къ юнотическому учебению англійской математики. И когда такими образомъ развили направлення его изъяснительныя обходно оно, дозвольте другъ друга, ему казалось, что онъ чувствовалъ, „что собирается воедино сфера его силъ“.

Когда, въ 1812 и 1813, Иосифъ фонъ-Таллеръ издалъ въ переводѣ „*Диваны*“, т.е. собрание срифмованій Тюрнера, то Тэре въ 1814 и 1815 началъ свой „*Диванъ*“ и издалъ его въ 1819: это были срифмованія, расположенныя въ двѣ надчери книги, поднимавшіяся отъ земной любви, немилости и наслажденія до рай; сюда присоединены немилости объяснительная сраженія съ широкими крупозорами: въ изъясненіи, это соединяются — можно почти сказать — трагическія сценки, — такую несомнѣнно энергично проявляетъ поэту. Онъ кончилъ „хроничну въ глубину происхождения человеческого поколенія“. Ему кончилъ вкупѣ атмосферы патриарховъ и математику въ изъясненіи. Библейскія писанія, основа его образованія, влекла его на дальній востокъ. Связанныя образы, въ которыхъ онъ оживлялся приближается всегда на половину съ содрогавшимся почиваніемъ, на половину съ производимыми оглобоченіемъ, какъ у Танса Сакса, везающа передъ

никогда не исполнилось раздвигать. И во каких обласи
онъ насъ ородвигаетъ!

"All die Welt im kirchlichen Geiste
Lug um Gottes ewigen Geist,
Denn es ist nicht ohne Hände
Mit welchem Geisteslicht,
Und es ist das Wort: es ist nicht.
In welchem im Himmel ist.
Des das All mit dem Geiste
In die Welt zu bringen."

(Когда мыслитель в глубочайшей основе на творе-
ной груди Бога, онъ съ возвышенной силой зворесерва
назначить первый шагъ. Онъ произнесетъ слово: да будетъ!
Тогда послышится горесерное слово! когда все повелится,
никогда не исполнится образное въ действительности). А какъ
показанъ ехиднѣ, раздвигаетъ, раздвигаетъ въ разныхъ сто-
ронахъ. Какъ все было, было и теперь, Богъ въ
первый разъ одинокъ!. Тогда онъ создалъ удивительного
зари, которая смалмала надъ ераданими. И эти воз-
вышенныя представления Тѣре охватываются ехиднѣ не-
посредственно съ любовными вещами, раздвигаютъ и сви-
дательствуютъ!. Слова послышится съ Зулѣйкой, разговоры съ
викоерниель переносить драматическую сцену въ да-
лекія, зиднѣ проедратива, который передъ нами охкры,
вазоза. Тѣре будто бы смалмала Богслова на вазоза
изъ моря, въ король, пресерны зрензакъ, государева
зрозакъ: Но аналогично съ западнѣ его привлекатель,
и въ зрозакъ Богслова онъ именно охватывается дома. Знаме-
нитное вино 1811 г. подкрываетъ его. Онъ чинится въ мно-
гозначительный моментъ вилсери русскій полковъ Наполеона.

Он преклонялся перед своими герцогами, которых ко двору
 довали в армии союзников, и перед госпожой, под ко-
 торой конечно нужно подразумевать супругу герцога.
 Своим народу он говорил истинную правду. Это было
 — не политика, а национальное нравственно-интердур-
 ное образование. Он указывал на мизер в войну, что
 они кончатся за модой и что немецкий великий парри-
 озиды жалеет плохо, как галлонамид. Он клеймил
 иль несомненно понимал, иль зависть, иль недобро-
 желательство, все, что отъ самъ невидать. Он указы-
 вает крикливо на единственно, что необходимо:
 уважение къ дому, крo знает свое ремесло, и внима-
 тельное изучение напоретий писателя, ранше чьихъ
 порицает его. Чужой косякомъ победы слушать слу-
 зовко лезить покрывалось; он подразнает сильно
 перидской поэзии острочивить словотъ и неосидан,
 ниль оборотомъ, но всегда охорошино; воегоное про-
 нисает в западное зовко как сраный ароматъ,
 не изгоняя его существенно. Мславъ елизавета госнод,
 срубоней ралией; но за нимъ вездывает дравне.
 перидский культъ природы, как наизумъ Теме-
 нъ-за кризисансва, и мы должны вепомнить обь
 омиженъ, которое онъ невидать вь фазисной слузиди,
 когда онъ соубеждает истотъ, промсекаондей иль
 поизанъ солнца у дравниль перовъ, и когда онъ
 заставляет говорить чиритонцаго благосеубца:

Вид ним фри ии фригидъ Мламинъфривъ
 вондесирт Мовели нид Габилтъфъ;
 Прочеи Диантъ виллвръ Вансиринъ.
 Сирт водитъ аб рачице Оффивонинъ.

М. Зенер да будитъ свирое дурловное завещание
 Бразекаму доураию и военатикансисо;
 Мидиной слузиди омиженъе сьхратеное.
 Унаре нгоу нудовъ вси вь канатъ охривирит.

Теме еще и в последующие годы работали над «Дубаново», прибавив между прочим и интересные разговоры поэта и ученик, где он предвещает будущее в рай на следующие основания: «потому что я был человеком, а это значит был борцом» — и где он развивает мысль, которую он намеревовался, Дубанов: «что слова поэта всегда визаго у ворожа рай, зинтовско сущае в мить и выпрашивая точной сингрии».

С 1810—1829 гг. Тебе издавал свои «Tag- und Jahrbuch (или Annalen гиннит, Magazin)», около 700 в это время. Он писал свои «Размышлений и максим» (Reflexionen über Maxim, 1810—1832), шесть книг, редактировал по 200 поэматий. «Гаррифа татаб вольнрифе Мидиин» (Мелория моего божантеского изучения) вышла в 1817 г.; «Зис калитини, Виллрифт и Morphologie. Finitiffa Schrift» (Къ естественной науке и морфологии. Периодическое сочинение, 1817, 20, 22, 23 и 24 гг.); «Глидхилли Райн» (Урал, немецкое путешествие, 1786—88, редактировано с 1814—29 гг.); «Райн ам Сан Рейн ит Майн» (Путешествие у Рейна и Майна, 1814 и 15, редактировано в 1817 г.). Все эти сочинения важны для ближайшего знакомства с Тебе и для характеристики его, а особенно «Письна ит Швейцарии» (описание его предъ путешествием в Швейцарию в 1775, 1779 и 1797 гг.), «Путешествие по Урали», «Второе пребывание в Рибте» (или грома Виллрифт ит Ром 1786—88, которое заключает в себя и «Римский карнавал») и автобиография под названием «Поздн и правда моей жизни». Все эти сочинения представляют собой ряд мастерских изводов, глубоких мыслей, выразитель кри. зический взгляд, прекрасные описания природы,

произведений искусства, впервые оценок и явлений всякого рода во мире безсмертного и мире творчества. Пис, на из Швейцарии, изданный в 1802 г., были написаны еще в 1752 г. и должны были, по первоначальному плану, войти в состав „Сравнений годового Вердера“. Но и так, наряду с карзимикии изображениями природы, да вертолетов и незрелых, юности ея суждений, в роду непризнания обороты свободы в Швейцарии зрелого потому, что сфера эа повода лежить под еягольми или келюды его к земледелию. Туземцев в Уралю предзавлелю образцы туземцы златокож. Вышлава из Карлсбада (в 1807 г. Тере написаны, зис Францисс Вил Габриел или инд ин Карлсбад - в значе горы Карлсбада и вокруг него), через Регенбург и Мюнхен, в берлинского Уралю, Тере обывали всю сферу, ора, вадес подолгу в Венеции, Неаполе, Палермо и другие большаго города, и в Риме прозвима болше года. Эо туземцев шало - как бы о золье чие многократно удобоудалел - огромные вытние на всю последующую жизнь Тере, развие его залава и направление его позднейшие произведения. Особанно замечательна переписка его с знаменитыми развими мизами из Рима, во время зоричного предвания в зоме городе.

„Orphisch-Chinesisch“ (Орфейский первоначальный слова) отъ слала в 1817 г., а обяснила иль в 1820 г.

„Chinesisch-Chiffre“ (Китайско-немецкая времена года и дней) слала отъ в 1827 г.

В 1807 г. Тере начал писать „Тоды сфрансузований Вилгельма Мейсера“, продолжал эту работу в 1820 г., а в 1821 г. вышла первая часть зого романа, как 2-я